

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Древний перстень
даровал успех
в азартных играх,
но не все могли
воспользоваться
проклятым
украшением...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Проклятие Пиковой дамы

Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

Проклятие Пиковой дамы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Проклятие Пиковой дамы / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2019 — (Артефакт & Детектив)

У главной героини повести Пушкина «Пиковая дама» был реальный прототип — графиня Голицына. Но вовсе не в трех картах заключался секрет успеха, а в древнем перстне, который подарил графине влюбленный в нее граф Сен-Жермен. Созданный много веков назад, он имел великую магическую силу — даровал успех в азартных играх. Но не все могли воспользоваться проклятым украшением: одним он приносил выигрыш, а другим — смерть... Отчего погибла оперная дива Анна Щербатова, исполнившая партию Лизы в опере Чайковского «Пиковая дама»? Почему утонул в Неве Геннадий Полушевич, ведь он был первоклассным пловцом? А бизнесмен Илья Колесников, найденный мертвым в собственной квартире? Связаны ли между собой эти люди или все дело в перстне?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлия Алейникова

Проклятие Пиковой дамы

« – Деньги тут не нужны, – возразил Сен-Жермен. – Извольте меня выслушать».

Тут он открыл ей тайну, за которую всякий из нас дорого бы дал.
Пушкин А. С. «Пиковая дама»

Пролог

Княгиня Наталья Петровна с трудом поднялась с кресла. Поправив шаль, отмахнулась от надоедливых приживалок и, стараясь держать спину, прошла к окну.

Снег валит крупными мохнатыми хлопьями, в желтоватом свете фонарей сверкают сугробы, мимо окон лихо промчали чьи-то сани.

Графиня выгнула шею, смутные воспоминания нахлынули на нее, захотелось вернуться в шубу и вот так же пронестись вдоль Невы, навстречу ветру, со смехом и...

Лицо графини недовольно сморщилось, она зябко повела плечами. Отвратительное время – старость. Твои желания еще не умерли, еще теплится огонь в душе, еще живы чувства, но вот твое тело, предательски слабое, уродливое, дряхлое, держит их словно в темнице, заставляя жить тоскливой, скучной жизнью старой развалины. И никакие протирания, никакие румяна и корсеты не могут этого исправить.

Наталья Петровна обернулась к притихшим своим домочадцам и, окинув их привычно суровым взглядом, сухо распорядилась:

– Чаю пускай подадут, да собираться надо. Нынче бал у английского посланника. Лиза, со мной поедешь. – Голос ее прозвучал надтреснуто, скрипуче.

Княгиня Наталья Петровна Голицина – прославленная красавица, которой восхищались не только российская столица, но и французский двор, за которой ухаживал будущий король Англии Георг IV. Княгиня Голицина, кружившая головы самым прославленным мужам своего времени, постаревшая, подурневшая, напудренная, нарумяненная, наряженная по старинной моде, сидела перед зеркалом в будуаре своего роскошного петербургского дворца, глядя с ненавистью на свое отражение.

– Какие прикажете подать драгоценности? – робко спросила из-за спинки кресла ее воспитанница Елизавета Ивановна, держа в руках шкатулку с любимым бриллиантовым гарни-туром княгини.

– Подите все вон, – раздраженно каркнула княгиня, отмахиваясь иссохшей рукой от надоедливой услужливости. – Шкатулку оставь!

Когда все, кланяясь, удалились, Наталья Петровна, отвернувшись от зеркала, открыла старинную серебряную шкатулку, украшенную эмалью и драгоценными камнями, нажала пальчиком невидимую пружину на крышке, и медальон, изображавший Амура в объятиях Психеи, открылся. Под ним скрывалось другое изображение. Юная девушка с пышной высокой прической, украшенной цветами и птицами, в объятиях красавца в напудренном парике.

Княгиня нежно провела по изображению пальцем.

Граф Сен-Жермен и она, еще юная, свежая, сама похожая на нежную розу, украшающую ее прическу.

Выцветшие глаза княгини стали влажными, не то от нахлынувших воспоминаний, не то от старческой слабости. Наталья Петровна Голицина, властная, суровая, крепко державшая в своих руках детей и внуков, никогда не была сентиментальна. Лишь однажды она дала волю своим чувствам, выбрав предметом страсти загадочного, таинственного графа Сен-Жермен. Ходили слухи, что ему известна тайна бессмертия, что он открыл формулу философского камня, что ему подчиняются время и стихии.

Наталья Петровна не знала, правда это или выдумка. Возможно, даже выдумка самого графа. Ей было все равно, она увлеклась мужчиной. Невероятно умным, образованным, бесстрашным, влиятельным, самым замечательным из встреченных ею. К тому же невероятно красивым. Их роман был скоротечен, стремителен, на прощание граф сделал своей возлюбленной подарок. В обществе болтали о том, что граф открыл ей тайну трех карт, это была

чистейшей воды выдумка. Но отчего-то этот анекдот был подхвачен всем светом, и теперь буквально каждый ему верил.

Нет. Все было не так. Совсем не так. Не было трех карт.

Наталья Петровна действительно проигралась герцогу Орлеанскому. Сумма была совершенно немислимой, огромной. Муж отказался платить.

– Не печалься, моя радость, не могу видеть тебя печальной. – Нежно целуя в губы свою возлюбленную, проговорил Сен-Жермен.

– Ты собираешься выплатить мой долг? – высокомерно спросила гордая красавица.

– Нет. Но я кое-что подарю тебе, – беря в свои руки нежную тонкую ладонь, пообещал граф. – Я предлагал тебе в дар бессмертие, ты отказалась. Я подарю тебе век. И кое-что еще. – Граф поднялся, подошел к небольшому бюро, украшенному маркетри, и достал оттуда небольшую серебряную шкатулку, украшенную эмалевыми медальонами. – Любовь моя, я готовил этот подарок как прощальный. Нам скоро суждено расстаться. Эта шкатулка имеет секрет. – Граф нажал скрытую пружину, и овальный медальон, украшающий крышку шкатулки, открылся. – Я заказал этот двойной портрет лучшему парижскому живописцу. Он будет нашей тайной. Ты всегда сможешь взглянуть на него и вспомнить это божественно прекрасное время, что мы провели с тобой.

– Шкатулка очаровательна, и медальон тоже, но как все это поможет мне выплатить долг? – страдальчески спросила практичная Наталья Петровна. – Ты же не хочешь, чтобы я продала ее?

– Нет, конечно. – Граф нажал на медальон с двойным портретом, и он отскочил, открывая крохотный тайник. – Вот мой главный дар. Шкатулка лишь обрамление. – Граф достал из тайника перстень, довольно простой и грубой работы, с крупным голубым камнем. – Это голубой карбункул. Большая редкость, а кольцо принадлежало самому Гермесу Тресмигисту, древнейшему и величайшему из алхимиков. Он имеет невероятную силу.

Княгиня улыбнулась, с любопытством рассматривая камень. Ее забавляли рассказы графа, Наталья Петровна была слишком практичной женщиной, чтобы верить в них, они всегда были занимательны.

– Этот камень продлит ваши лета, только берегите его! – серьезно проговорил Сен-Жермен. – И еще, этот камень приносит удачу, исполняет желаемое. Он поможет вам вернуть долг. Вы отыграетесь. Но! Есть условие, после этого вы больше никогда не сядете за карточный стол. Запомните. Это важно! Иначе вы потеряете все. Если вы пожелаете, то сможете одолжить этот перстень кому-то, условия будут те же. Только не дарите и не потеряйте, вместе с ним вы потеряете жизнь.

– Вы говорите ужасные вещи, – продолжая любоваться удивительным камнем, проговорила княгиня.

Камень загорался, словно искрился изнутри, ей даже начало казаться, что в его бездонных глубинах разгорается синее пламя.

– Вы невнимательны, любовь моя, – беря ее за подбородок, проговорил Сен-Жермен.

– Нет, отчего же?

– Запомните все, что я вам сказал. И ни в коем случае не носите перстень слишком часто, он поглотит вас.

Сен-Жермен был прав, она отыграла все, а вскоре они расстались. Княгиня с семьей вернулась в Петербург.

Перстень с голубым карбункулом был так красив, так чудесно сидел на ее пальце, что княгиня почти не расставалась с ним, пока не заметила странной власти, которую он обрел над ней.

Наталья Петровна могла часами любоваться игрой камня, забывая обо всем, очень раздражалась, когда ее отвлекали, стала забывать о своих домашних и светских обязанностях.

А еще со временем Наталья Петровна заметила удивительное свойство перстня, сперва события выглядели цепью случайностей, но время шло, и княгине пришлось признать странность происходящего.

С момента появления у нее перстня все затруднения княгини разрешались с удивительной легкостью. Было ли это касаясь карьеры мужа, дел в имени, покупки кареты, или срочной доставки нарядов из Парижа, или болезни детей – все удивительным образом улаживалось. Но... при этом кто-то непременно должен был пострадать. Горничная – обжечь руку, кучер – свернуть шею, скончаться – бедная родственница, живущая в доме. Страдал кто-то, но не княгиня и не близкие ей люди.

Княгиня, зачарованная перстнем, старалась не обращать на эти совпадения внимания, пока однажды, перебирая вещи в поисках важного письма, не наткнулась на шкатулку – подарок графа. Открыв медальон, она взглянула в лицо бывшего возлюбленного, поймала его взгляд, и наваждение, вызванное камнем, мгновенно закончилось. Она сняла перстень, а снимая, впервые заметила надпись, сделанную на обороте перстня по латыни «*Ne quid nimis*». Княгиня утрудилась перевести. «Ничего слишком», – гласила она.

Больше княгиня перстень не надевала.

Несколько раз впоследствии она одалживала перстень дважды своим любовникам, один раз дальнему родственнику, очаровательному юноше, по неопытности проигравшему в карты все завещанное ему состояние. Все трое не смогли справиться с таинственной силой перстня, они не смогли остановиться. И все трое погибли. Каждый раз княгиня снимала свой перстень с холодного трупа.

Но все это было в прошлом. Ее уже давно не интересовали чужие жизни, красивые мужчины, страсти ее угасли, свет мерк, яркость жизни таяла, приближался неизбежный конец. Но княгиня хорошо помнила обещание Сен-Жермена. Век. Она должна прожить целый век, если не расстанется с перстнем.

Княгиня протянула руку, достала свое сокровище и с трудом натянула на палец. Невольно нежная кожа покрылась морщинами и россыпью безобразных темных пятен, суставы распухли, некогда изящная прекрасная ручка выглядела безобразно.

Княгиня сердито фыркнула и раздраженно сорвала перстень с пальца, когда позади послышался тихий шорох.

– Кто тут еще? – ворчливо спросила княгиня, она не любила, когда ее беспокоили.

Шорох за спиной замер. Княгине стало тревожно. Она зашевелилась в кресле, пытаясь обернуться, свет свечей заметался, окрашивая комнату тревожными всполохами.

Когда она наконец обернулась, лицо мужчины было совсем близко.

– Ох! Это ты! Напугал меня, дуралей, – выдохнула княгиня, откидываясь на спинку. – Зачем явился? Опять денег? Снова проигрался, шалопут? – Внук, молодой, свежий, пышущий жизнью, статный красавец офицер, стоял перед ней, как напоминание о ее собственной дряхлости и увядании. У нее их было много, внуков, внучек, она едва их различала, но этот, сын ее дочери Натальи, решительный, нагловатый, красавец адъютант, был ее любимцем. Внешне он был похож на покойного князя, а вот характером пошел в нее.

– Денег не дам, – сурово повторила княгиня.

– Мне не нужны деньги, – напряженным голосом проговорил молодой красавец.

– А что?

– Перстень. – Он протянул сильную крепкую руку и, разжав старушечью ладонь, вырвал из нее сокровище.

Все тело княгини напряглось, оцепенело, глаза выкатились, последним усилием, едва слышно, она прохрипела:

– Погибнешь!

Глава 1

15 апреля 2019 г. Санкт-Петербург

– Ну, мужики, что у нас тут? – входя в квартиру, поинтересовался капитан Ушаков.

– У нас колото-резаная рана. Вон покойничек в кресле сидит. – В привычной для себя циничной манере объяснил Толик Жуков.

Убитый действительно сидел в квадратном кожаном кресле, широко расставив ноги, положив руки на подлокотники, свесив на грудь голову. В этой позе было что-то эпическое. Усталый от битв воин почил на завоеванном троне. Капитан Ушаков обожал фэнтези, читал их втайне и очень стеснялся своего мальчишеского увлечения.

– Кто убитый? – отгоняя неуместные ассоциации, строго спросил капитан.

– Колесников Илья Андреевич. Тридцати трех лет. Вот документы. Это его квартира, проживал один. Обнаружила его уборщица, Туманова Екатерина Викторовна. Она всегда по понедельникам приходит. Сейчас сидит в соседней комнате. Пришла, открыла своим ключом, разулась, прошла в кладовку за тряпками и швабрами, достала пылесос, пришла с ним в гостиную, а тут вот. Ну, вызвала полицию, – обстоятельно докладывал Толик. – Криминалист осмотр уже закончил и уехал, вас долго ждали.

– Извини, начальство задержало. Что со свидетелями?

– Пока ничего, участковый с Захаром соседей опрашивают, а я вас ждал.

– Дождался? – сухо спросил капитан. – Ну, тогда давай им на подмогу, а я с уборщицей побеседую.

Екатерина Туманова была женщиной на удивление моложавой, подтянутой, стройной. В облегающих джинсах и светлой футболке, с яркими рыжевато-красными волосами, она смотрелась молодо и привлекательно, и, только присмотревшись к морщинкам на лице, можно было определить ее настоящий возраст, около пятидесяти пяти, может, пятьдесят семь? Или шесть? Гадал капитан, рассматривая свидетельницу.

– Добрый день. Капитан Ушаков, районный следственный комитет.

– Туманова Екатерина Викторовна. Домработница. Точнее сказать, просто уборщица. – Следов слез на лице уборщицы капитан не заметил, скорее потрясение.

– Екатерина Викторовна, как давно вы работаете у Колесникова?

– Года три, меня к нему знакомые сосватали. Его знакомые. Я у них тоже убираю.

– Телефон и фамилию знакомых сообщить можете?

– Разумеется. Филипповы. Телефон тоже можете записать. – Доставая мобильник, предложила Екатерина Викторовна.

– Обязательно, но чуть попозже. Расскажите мне, как вы нашли тело?

– Пришла как обычно, в двенадцать. Илья поздно вставал и не любил, когда я при нем работать начинала. Пришла. Разулась, повесила куртку и сумку на вешалку и пошла за пылесосом.

– Вы не переодеваетесь перед работой?

– Нет. А зачем? Илья мусорил мало, обычная поверхностная уборка много сил не отнимала. Вот если у него в воскресенье вечеринка была, тогда тут бывает, чем заняться, а так... Я к нему два раза в неделю хожу. В пятницу перед выходными и в понедельник, сразу после. В выходные у него иногда компании собираются, гости приходят. Он человек холостой, живет свободно.

– Скажите, а родители у него есть?

– Есть, конечно. Но они отдельно живут. Мы с Ильей нечасто виделись, в основном в день расчетов.

– Хорошо. Вы разделись, взяли пылесос... – напомнил свидетельнице капитан.

– Ну да. Я всегда с пылесоса начинаю. Потом мою санузел, затем пыль вытираю, после влажная уборка. Стираю я по понедельникам, глажу тоже. Ну вот, зашла я в комнату, а там Илья сидит. Сперва я подумала, спит. Может, напился с вечера и заснул.

– А с ним такое раньше случалось?

– Было несколько раз, когда я приходила, а он спал еще. Правда, в кровати. И несколько раз я его заставала с девицами. Но вот чтобы в кресле? Нет, такого не было. Но мне и в голову не могло прийти, что его убили. – Нервно дергая шеей, объяснила уборщица. – Ну, я позвала его сперва, он не реагирует, тогда я подошла, руку на его руку положила, вот сюда, повыше кисти, хотела потрясти, а рука холодная! Тут я сообразила ему в лицо заглянуть, ну, и поняла, поздно уж. Пошла в полицию звонить.

– Не испугались?

– Звонить? А чего мне бояться, я же его не убивала? Зачем мне это? – вскинулась Екатерина Викторовна.

– Я имею в виду покойника, – пояснил свою мысль капитан.

– А! Да нет. Я же медсестра бывшая. В больнице всю жизнь проработала. А тут нашу больницу на капитальный ремонт закрыли, нам перевод предложили в другую больницу. Там корпуса новые отстроили, на окраине где-то. От метро в битком набитом автобусе еще чуть не час трястись туда и обратно. Я подумала и ушла. При такой копеечной зарплате я еще буду полдня на дорогу тратить? А тут мне знакомая предложила в домработницы пойти, у нее свое агентство по найму прислуги. Она еще в няньки предлагала. Но с детьми ответственность большая, и я пошла квартиры убирать. Денег больше, головной боли меньше, да и времени свободного – тьма, – делилась Екатерина Викторовна. – Я себе абонемент в фитнес-клуб купила, в прошлом году в Турцию ездила. А то, что работа не престижная? Зато сам себе хозяин.

– Ясно. Значит, Илью Колесникова вы знали плохо?

– Да, в общем, мы с ним почти не общались. Если у него были ко мне дополнительные поручения, он иногда звонил. В день расчетов два раза в месяц виделись, ну, и было несколько раз, когда он болел, ну, и вот те разы, когда я его с девицами застала и когда он на работу проспал.

– И все же, что вы можете о нем рассказать, иногда вещи и квартира человека сообщают о нем больше, чем он сам в разговоре поведает.

– Вот тут вы правы. Но это обычно, если люди семейные. Хотя... – Уборщица задумалась. – Знаете, мне кажется, у Ильи в последнее время появилась постоянная девушка.

– Почему вам так кажется?

– Ну, во-первых, давненько у него не было воскресных вечеринок. Гости бывают, но вот как раньше, чтобы бутылки по всем углам, чьи-то бюстгальтеры на люстрах, гора грязных бокалов по всей квартире, размазанные по полу закуски, такого больше нет. А вообще посмотрите вокруг, квартира большая, но мрачная, все серо-черное-белое, неуютное, никаких декоративных мелочей, только те, что дизайнеры расставили после ремонта. Вещей личных минимум. Все рабочие документы на работе, дома только одежда, пара книг и ноутбук. Все. Тоска, скука. По мне, так ему давно пора снова жениться.

– Снова? А он уже был женат?

– Да. У него и ребенок есть. Только он им не особо интересовался. Так алименты платил и все.

– Откуда вы знаете?

– Ну, за три года я ни разу ребенка не видела, и игрушек в доме тоже не видела, даже не знаю, мальчик это или девочка, даже фотографий он мне ни разу не показывал. Не хвастался,

мол, мой вчера на соревнованиях первое место занял, или у дочки вчера концерт был, она в хоре поет. Согласитесь, для любящего родителя – это нонсенс. Но вот его разговор с бывшей женой по поводу денег я слышала.

– И какого рода это был разговор?

– Как я поняла, он задержал выплату алиментов, а во второй раз она просила у него денег то ли на какую-то вещь, то ли на поездку. Он отказывал, а она его упрекала, что он никудышный отец. Чем тот разговор закончился, не знаю. Как зовут бывшую жену, тоже.

Очень любопытный тип Илья Колесников, и определенно неприятный. Сам капитан Ушаков не был идеальным отцом, но мальчишек своих обожал, готов был ради них наизнанку вывернуться, родительский инстинкт в капитане был наиболее сильно развит, даже сильнее инстинкта самосохранения. А потому он окончательно и бесповоротно невзлюбил покойного Колесникова, тот был подлецом и эгоистом и, по большому счету, получил по заслугам.

– Еще что-то можете добавить о покойном?

– Еще? Мне кажется, он любил играть в карты, – задумчиво проговорила уборщица.

– Почему?

– В доме больше нет игр, а карты есть.

– Ну, что там у вас по этому убийству на Кирочной улице? Разобрались? – поднимая голову от бумаг, спросил полковник Тарасов, глядя на свою «банду», как он ласково, по-отечески называл сотрудников следственного отдела.

– Георгий Владимирович, да когда бы мы успели, его же только вчера грохнули, точнее, позавчера. А вчера мы его осматривали, – воззвал к совести начальства, бесстрашный в своей этической недоразвитости, Толик Жуков.

– Жуков, вы как с руководством разговариваете? – тут же вскинул убеленную сединой голову полковник. – Напоминаю, вы на службе, а не на танцах, и я вам не девушка. Впрочем, мало какой девушке придется по душе ваша развязность. Никита Александрович, я вам советую больше времени уделять воспитанию молодых сотрудников, а то за отдел стыдно. Они же с людьми работают, это же недопустимо! – обратил он укоризненный взгляд на капитана Ушакова.

– Извините, Георгий Викторович, буду уделять, – покладисто и охотно согласился капитан, зная, что если с полковником не спорить и не упираться, объясняя, что у них в отделе хронический завал, и что ему не то, что сотрудников, родных сыновей воспитывать некогда, тот о выданном распоряжении минут через десять забудет и вспомнит не раньше, чем Толик в следующий раз рот раскроет. Вывод, надо держать Толика подальше от начальства. Потому, как молчать он не умеет, а перевоспитывать его бессмысленно, уже пытались.

– Ну, вот и хорошо. Докладывайте, что там у вас.

– По заключению эксперта, удар тонким колюще-режущим предметом был нанесен точно в сердце. Смерть была мгновенной. Никаких следов борьбы, никаких следов присутствия постороннего в квартире обнаружено не было. Смерть наступила четырнадцатого апреля, предположительно, с двадцати трех часов до двух часов ночи пятнадцатого апреля. Следов взлома на двери не обнаружено. Орудия убийства тоже. Свидетелей найти пока тоже не удалось. Дом новый, заселен только наполовину, жильцы друг друга знают плохо.

– А консьерж?

– Нет там консьержа. Есть видеонаблюдение, но оно, оказывается, неделю как не работает, управляющая компания ждала мастера еще три дня назад, он не пришел, а второй раз забыли вызвать, в общем, никому нет дела до этого видеонаблюдения, – махнул рукой капитан Ушаков. – Жильцы не жалуются, и ладно. А жильцы просто понятия не имеют, что оно не работает. Так что заходи кто хочешь, делай чего хочешь. Ну, правда, территория и подъезд закрыты, так просто, конечно, не пройдешь, хозяин квартиры должен открыть дверь.

– Значит, убитый знал своего убийцу, – заключил полковник.

– Ну да. Или убийца прикинулся службой доставки или соседом, который ключ забыл. – Подкинул ему еще несколько версий капитан Ушаков. – В общем, Георгий Викторович, вариантов множество, – печально заключил он, с намеком, чтобы начальство с них много не спрашивало.

– Ну, вот видишь, значит, скучно не будет, – перевернул на свой лад полковник. – Так что, бойцы, вперед на баррикады. Все свободны. Плешаков задержись, расскажи, как у тебя с делом Семенова продвигается.

«Что же с этим Колесниковым делать? – размышлял капитан, стоя в пробке на Лесном проспекте. – Хоть бы какая зацепка, пальчики, окурочек в пепельнице, любопытная соседка-пензионерка с ворохом сплетен. Нет ничего. Нет, пальчики, конечно, есть, их немало накопилось с пятницы по понедельник, именно столько времени прошло между визитами уборщицы, но чьи это пальцы? Самого Колесникова, уборщицы, его родителей, друзей? Предстоит еще выяснить. Придется долго и муторно расспрашивать родственников, коллег, приятелей, разыскивать любовницу.

Есть, конечно, шанс, что бизнесмена Колесникова заказали конкуренты, но, во-первых, он был не того полета птицей, во-вторых, сейчас не девяностые, чтобы всех мочить направо и налево. А вот удар нанесен мастерски. Такое нечасто увидишь».

– Илья был таким хорошим мальчиком. Учился всегда хорошо, спортом занимался, в теннис играл, плавал. У него даже грамоты есть, – глядя на капитана с бездонной собачьей тоской в глазах, рассказывала Наталья Алексеевна, мать Ильи Колесникова. – И университет окончил очень успешно, потом вот с приятелем занялись бизнесом. Я, честно говоря, всегда была против, лучше бы он на государственное предприятие устроился. Или в крупную фирму. Но Илюша всегда говорил, что хочет быть независимым человеком. А вот теперь... – То и дело шмыгая носом и сморкаясь, говорила Наталья Алексеевна. – А сколько у него всегда друзей было! Он был очень добрый общительный человек.

– А семья у него была? Жена, дети? – холодно глядя на Наталью Алексеевну, спросил капитан. Как бы она не расписывала сыночка, но он-то знал, что на самом деле представлял собой покойный.

– Конечно. Илюша был женат, но сейчас они в разводе. Понимаете, это был очень ранний брак, они с Полиной тогда как раз университет оканчивали, оба еще толком на ногах не стояли. А тут Полина забеременела, те родители стали настаивать на браке. Я, конечно, с самого начала понимала, что долго их союз не продержится, ...

– А почему?

– Ну, как же, такой возраст. Илюша и погулять еще толком не успел, а тут сразу такая ответственность, ребенок.

– Я тоже в этом возрасте женился, и Илья у нас сразу родился, справились как-то, – буркнул сидящий чуть в стороне Андрей Сергеевич Колесников.

– Андрюша, ну тогда же совершенно другая жизнь была. – Укоризненно взглянула на него жена. – А ребята все равно разошлись через два года. Нет, вы только не подумайте, Илья Полине помогает, алименты хорошие выплачивает, ну, и мы со своей стороны, чем можем... Только у нас возможности, конечно, не большие, мы обычные служащие, – словно извиняясь, проговорила Наталья Алексеевна.

Капитан молча выразительным взглядом окинул комнату. Супруги жили в старом доме недалеко от Мариинского театра, высоченные потолки, пышная лепнина, наборный паркет, все в изумительном состоянии.

«Реставраторов небось нанимали», – предположил капитан. Мебель исключительно старинная, на стенах картины, на постаментах скульптуры, на камине огромные часы, кажется, даже позолоченные, и уж совершенно точно старинные и жутко дорогие. Вообще квартира

скромных служащих больше смахивала на какой-нибудь дворец. Если и не царский, то уж великокняжеский точно.

– О, – заметив выразительный взгляд капитана, проговорила Наталья Алексеевна. – Вы об этом? Дело в том, что мой покойный отец десятилетиями коллекционировал предметы искусства, но к нам с мужем все это не имеет никакого отношения, и квартира и все вещи принадлежат маме. Мы с мужем всю жизнь трудились, я преподаю музыку, а муж работает инженером. А все это, – она обвела комнату широким жестом, – не имеет к нам никакого отношения.

Откуда-то сбоку раздалось едва слышное покашливание.

Капитан обернулся и взглянул на сидевшую в кресле у окна крепкую старуху с газетой в руках. Коротко стриженные на молодежный манер седые волосы, решительный нос, прямые плечи и плотно сжатые губы. Вся она была четко очерченная, выразительная. На лице старухи, обращенном к Наталье Алексеевне, читался плохо скрытый сарказм.

Мать Натальи Алексеевны и бабушка Ильи Колесникова являла собой фундаментальный типаж русской женщины. Волевая, решительная, из той породы, что в горящие избы шагают. И было совершенно очевидно, что собственная дочь с ее присюсюкиваниями одобрения в бабуле не вызывает.

– А что касается Илюшиного неудачного брака, так теперь у нас хоть Ванечка есть! – не обращая внимания на мать, продолжала Наталья Алексеевна.

Но капитан краем глаза на старуху взглянул и заметил, как она брезгливо скривила губы. Ясно, прежде внук не нужен был, обуза для всех, а теперь вот «хоть Ванечка есть». Лицемеры.

– Мы все надеялись, что Илюша создаст новую семью, найдет себе достойную пару. – «Вот как «достойную», – отметил в очередной раз про себя капитан, семейство Колесникова ему не нравилось.

– Как-то устроит свою жизнь, – продолжала сетовать Наталья Алексеевна, – но у него отчего-то не складывалось. Илюша очень много работал, был очень ответственный, очень целеустремленный, да и женщины, наверное, подходящей не встретилось...

– Раздолбай он был и эгоист, – не выдержав, сказала, как отрубила, бабуля, откладывая в сторону газету. – И нечего дифирамбы петь, Наташа. Не на панихиде.

– Мама!

– Полиции не нужны твои выдумки. Они убийцу ищут, а не характеристику для выезда за границу составляют. А то, трудолюбивый, морально устойчивый, ответственный, политически грамотный. Не был он таким, – резко, твердо проговорила бабуля. – Был он легкомысленным раздолбаем, эгоистом и бабником, как и большая часть его успешных приятелей. Жил в свое удовольствие, ни о ком не беспокоился. Но, правда, и плохого никому не делал. Злым, завистливым не был. Не подличал, не пакостил. Может, прожил бы подольше, еще повзрослел бы, человеком стал.

– Спасибо, – благодарно кивнул капитан.

– Вы найдете того, кто это сделал? – С надеждой взглянула на него Наталья Алексеевна.

– Непременно.

Глава 2

28 августа 1955 г. Ленинград

– Здравствуй, Анюта! – Николай Васильевич вошел в комнату жены, неся в руках большой букет полевых цветов.

Анна Петровна радостно обернулась на голос мужа. Коля обожал сюрпризы. Вот и сегодня явился совершенно неожиданный. Их часть уже неделю как отправилась на учения на какой-то дальний полигон, и она не ждала мужа раньше следующей пятницы. И вот, пожалуйста.

Анна Петровна поправила съехавший с плеча шелковый, отделанный кружевом, пеньюар и, грациозно изгибая тело, поднялась навстречу мужу.

– Доброе утро, соскучился ужасно. – Целуя ее в щеку, признался Николай Васильевич. – А это тебе в честь премьеры. – Протягивая жене букет и большой тяжелый сверток, проговорил полковник Щербатов. – На счастье!

– Что это? – Нетерпеливо разворачивая плотную сероватую бумагу, пробормотала Анна Петровна.

Анне Петровне, Анюте, было чуть за тридцать, высокая, с пышной грудью и царственной осанкой, роскошными каштановыми волосами, она была редкой красавицей и признанной звездой Ленинградской оперной сцены. Муж – полковник Николай Васильевич Щербатов – обожал свою Анюту, баловал, гордился ею, а она как должное принимала его поклонение.

– Боже, какая прелестная шкатулка! Коля, откуда? – разглядывая серебряную, украшенную эмалью шкатулку, восторженно спросила Анна Петровна.

Шкатулка была удивительно красива. Тонкая старинная работа, потемневшее от времени серебро, яркие свежие краски эмали, изящный рисунок. Анна Петровна не была тонким ценителем, но даже ей было понятно, что шкатулка невероятно дорогая и очень старая.

– Купил по случаю, – улыбнулся Николай Васильевич. – И кстати, взгляни вот сюда. Видишь вензель? Эта шкатулка принадлежала княгине Голицыной. Той самой, что стала прообразом пушкинской «Пиковой дамы». Так что подарок со смыслом.

– Потрясающе! Где ты ее достал? – вертя шкатулку в руках, вдыхая ее запах, разглядывая завитушки серебряных листьев и стеблей, спросила Анна Петровна.

– Я же сказал, купил по случаю. Кстати говоря, моя мать была в родстве с родом Голицыных.

– Что?

– Ну да. Моя прабабка была Строгонова, а одна из дочерей княгини Голицыной вышла замуж за графа Строгонова, так что...

– Почему ты мне никогда об этом не рассказывал? – чуть обиженно спросила Анна Петровна, глядя на мужа.

– Потому что о таких вещах говорить не стоит.

– Так ты, выходит, граф? – в восторге воскликнула Анюта, глядя на мужа.

– Нет. Я обычный советский гражданин, – спокойно возразил ей Николай Васильевич. – А князей и графов у нас еще в восемнадцатом году отменили, некоторых расстреляли. Так что, будь добра, никому, пожалуйста, об этом не рассказывай. Ни Галочке, ни Капочке, ни Софочке. Никому. Иначе следующая твоя премьера может пройти за полярным кругом. Это в лучшем случае. – Под конец голос мужа звучал угрожающе холодно, так что у Анны Пет-

ровны даже мурашки по коже пробежали, она с испугом взглянула на Николая Васильевича. Но он уже улыбался ей, и холодный ужас отступил.

– Конечно, я понимаю, – попыталась улыбнуться в ответ Анюта.

– Ну, дорогая, – легонько чмокнув жену в нос, проговорил Николай Васильевич, – мне пора. Водитель ждет.

– Но ведь на премьере ты будешь?

– Разумеется. Хорошего тебе дня.

Николай Васильевич уехал, а Анна Петровна осталась рассматривать чудесную шкатулку.

– Анна Петровна, уже десять, на репетицию опоздаете. – Заглянула в комнату Глаша, домработница Щербатовых.

– Ой, Глаша, как ты меня испугала! – Сердито обернулась к ней Анна Петровна. – Еще и волосы зацепились. Завтрак готов?

– Накрыто давно. Кофий уже стынет, или бы.

– Сейчас, сейчас иду. – Анна Петровна пыталась распутать зацепившуюся за завиток серебряного листочка тонкую прядку, когда раздался тихий щелчок, и круглый эмалевый медальон на крышке шкатулки открылся.

Сердце Анны Петровны затрепетало от любопытства. Внутри на эмалевом медальоне были изображены кавалер и дама в напудренных париках с искусственными улыбками на лицах. У дамы был чуть длинноват нос, у кавалера был маленький кукольный ротик. Полюбовавшись этой пасторалью, Анна Петровна, забыв о завтраке, принялась внимательно изучать шкатулку, пытаясь открыть и другие медальоны, но ничего не получалось.

– Анна Петровна, опоздаете. – Снова заглянула в комнату Глаша.

– Сейчас, сейчас, – отставляя в сторону шкатулку, проговорила Анна Петровна, поднимаясь, и напоследок нажала пальчиком на медальон с дамой и кавалером. Изображение с едва слышимым щелчком открылось.

– Невероятно! – обрадовалась Анна Петровна, заглядывая в небольшой тайник.

Перстень грубоватой работы с большим мутным голубовато-синим камнем был невероятно красив, а голубовато-синий камень словно завораживал, притягивал взгляд, открывая бездонные искрящиеся глубины.

Вот это подарок! Николай и сам, наверное, не представляет, что ей подарил. А, может, и продавец не знал о секрете шкатулки? Ведь она обнаружила тайник случайно.

Надев на палец кольцо, оно скользнуло на него легко, словно было сделано по заказу, счастливая Анна Петровна отправилась завтракать.

– Ну, теперь точно опоздаете, – ворчала Глаша, демонстративно протиравшая листья фикуса возле окошка. – Давно уже одеваться надо, о чем только думают. И это перед самой премьерой!

– Глаша, помолчи, я сейчас быстро, – прервала ее охи Анна Петровна, у нее было прекрасное настроение, и испортить его не могла даже Глаша.

И все же в театр Анна Петровна, несомненно, опоздала бы. Но, когда она, постукивая каблучками, спешила к автобусной остановке, то и дело поглядывая встревоженно на наручные часики, ее окликнул сзади знакомый голос. Не обернуться было невозможно. На тротуаре стояла Капа Одинцова в роскошном брючном костюме, ее муж только что вернулся из-за границы.

– Здравствуй, Капочка! – крикнула на бегу Анна Петровна, помахав ручкой.

– Куда ты так торопишься? Постой же! – Капа определенно спешила за ней, пришлось остановиться.

– Извини, я страшно в театр опаздываю. – Нервно высматривая, не покажется ли в конце улицы автобус, проговорила Анна Петровна.

– Ну, так какие проблемы? Пойдем я тебя подвезу. Костик сегодня дал мне машину, так что, подруга, тебе повезло. – Беря Анну Петровну под руку, весело сообщила Капочка. Они с мужем проживали этажом ниже, и Капа была близкой приятельницей Анны Петровны.

– Поехали, Володя, – уstraиваясь на мягком сиденье, распорядилась Капочка. – Ну, что у тебя в театре? Как репетиции?

– Ой, пока вроде все в порядке, – вздохнула Анна Петровна.

– А что может быть не в порядке? – проявила дотошность Капочка.

– Ну, замдиректора наш, Бельский, ну, помнишь, я тебе рассказывала, пытается на мою партию пропихнуть эту выскочку Леночку Леденеву, – пожаловалась Анна Петровна.

– Кто такая?

– Его пассия. Моя дублерша, во втором составе поет. Без году неделя в театре, а уже метит премьеру петь! Интриганка!

– Ну, что тебе волноваться? Ты же у нас звезда, тебя весь город знает.

– Знает. Только этот Бельский – такая хитрая бестия, к тому же у Леденовой голос.

– У тебя тоже голос.

– Не знаю. Он бегаёт по театру и на всех углах кричит, что пора смелее молодежь выдвигать и что у меня и без того слишком большая нагрузка, – вздохнула Анна Петровна, натягивая перчатку. – Ну, спасибо, что подвезла.

– До встречи на премьере, и не вешай нос. В конце концов, твой Николай может этого Бельского вызвать на дуэль, и дело с концом, – легкомысленно усмехнулась Капочка. У нее не было проблем по службе, она никогда нигде не работала.

– Добрый день, Анна Петровна.

– Добрый день, Игорь Константинович.

– Добрый день.

– Желаю здравствовать.

– Приветствую, Анна Петровна.

– Добрый день, Юрий Леонидович.

– Анька, пляши! – заглядывая к Анне Петровне в гримерку, заговорщицким шепотом проговорила ее подруга Зина Барышева и, прикрыв за собой плотно дверь, сообщила: – Анька, Бельского сегодня ночью с приступом гнойного аппендицита «Неотложка» в больницу увезла! Уже прооперировали, сейчас в реанимации лежит!

– Да ты что? – ужаснулась Анна Петровна. – Не умрет хоть?

– Нет, конечно. – отмахнулась Зина. – Я вообще не про то! Леденева, как узнала, тут же к нему в больницу понеслась! Да ее не пустили, к тому же там жена дежурит! В общем, до субботы он с койки точно не встанет! Леденева с кислой миной в театр вернулась, сейчас у себя в гримерке сидит, слезы льет, а тебе плясать надо! Премьера твоя! – И Зина, чмокнув подругу в щеку, упорхнула.

«Какой сегодня удивительно везучий день, – пряча улыбку, размышляла Анна Петровна, спеша на сцену. – И Коля приезжал, и подарок. И в театр не опоздала, и Бельский в больницу слег. Все одно к одному!»

– Анна Петровна, вы сегодня необычайно хороши, просто глаз не оторвать, – шепнул ей на ушко Герман – Вадим Яузов, ловелас и пижон, лучший драматический тенор театра. Девушки после спектаклей за ним толпой маршируют, только что на руках не носят.

– Спасибо, Вадим Григорьевич, – прохладно улыбнулась ему Анна Петровна.

– Итак, товарищи! Все готовы? – окликнул их из зала режиссер. – Соберитесь, мои дорогие, до премьеры считанные дни, завтра прогон. Георгий Иванович, будьте любезны, вторая картина, Лиза и Герман.

– Ань, что это у тебя за колечко на пальце? Боже, какая роскошь! – воскликнула восторженно Зина, разглядывая перстень, найденный Анной Петровной в шкатулке. – Откуда?

Неужели Николай? Слушай, он же, наверное, сумасшедших денег стоит? – вертя руку подруги и любуясь перстнем, расспрашивала после репетиции Зиночка.

– Ну, конечно, Коля. – Отбирая руку, улыбнулась Анна Петровна. – Кто же еще?

– Везет тебе. И партии у тебя в театре, и муж обожает. Счастливая ты, Анька.

– А тебе не везет? Муж тебя не обожает, и партий тебе не дают? – укоризненно заметила Анна Петровна, удаляясь за ширму.

Репетиция уже закончилась, и Зина зашла в грим-уборную поболтать с подругой.

– Обожает. Только не сравнивай моего Льва Владиславовича с твоим Николаем, – кисло возразила Зина.

– Зина!

– А что, Зина, Зина? Знаешь, сколько ему в этом году стукнет? Пятьдесят семь. Я же, когда за него замуж выходила, совсем зеленой девчонкой была. Приехала из своей деревни в большой город, глаза по пятаку. А когда он нас с ребятами из группы первый раз к себе домой пригласил, я чуть от восторга не умерла. Все глазела по сторонам и понять не могла, куда попала, толи в музей, то ли во дворец. Лев тогда еще ничего был, осанка, шевелюра, народный артист. В ресторан меня приглашал, в театры, за кулисы водил, все его знали, всюду его встречали. Букетами заваливал. Конечно, я не устояла. Мне новая жизнь чудесным сном казалась. Влюбилась дуриха по уши, а когда он меня замуж позвал, в свое счастье поверить не могла.

– Ну, и что же случилось? Букетов не хватает? – с легкой насмешкой спросила Анна Петровна.

– Букетов как раз хватает, – вздохнула Зина. – Мужика не хватает настоящего. У нас же как утро начинается? С нутья, охов да вздохов. «Ох давление, ох печень, ох эти недоброжелатели, ох у меня язва откроется. Зина, скажи Дарье Степановне, пусть так посудой не гремит, у меня нервы. Скажи Толику, пусть не шумит, у меня сердце. Вы меня до инфаркта доведете». Я сижу и иногда думаю, и когда он у тебя уже случится, инфаркт этот.

– Зина! – с укоризной воскликнула Анна Петровна.

– Что, Зина? Мне тридцать шесть, я, молодая баба, в сиделку превратилась. То ему таблетки, то ему капли. Надоело. За мной один человек ухаживает, – добавила она после короткой паузы. – Молодой, интересный. Вот думаю, не закрутить ли мне с ним? А?

– Зина, как тебе не стыдно? Лев Владиславович – замечательный человек, в тебе души не чаёт, у вас же Толик растёт!

– Ах, боже мой! – театрально всплеснула руками Зина, закатив глаза. – Точно закручу. Вот только наши наверняка Леве донесут. Сама знаешь, какой у них глаз зоркий, наверняка пронохают и доложат. Он скандалить начнет, истерику закатит со слезами... – с отвержением проговорила Зина. – Слушай, а может, мне твоего Николая отбить?

Анна Петровна только рассмеялась. Во-первых, Зина ни за что так не поступит, а во-вторых, Коля ее так любит, что никакой Зине отбить его не удастся.

– Ладно, подруга, поехали ко мне в гости, посидим, коньячку выпьем, о жизни поболтаем, – предложила Зина, надевая перед зеркалом шляпку. – Мой сегодня целый день в консерватории, а Толик во Дворце пионеров. Авиамоделированием увлекся.

– Слушай, я всегда хотела спросить, а почему вы его в музыкальную школу не отдали?

– Ну, уж нет. Пусть настоящим мужиком растёт, – твердо проговорила Зина, беря со столика сумочку. – Ну, так что? Едем?

– Нет, Зинька, прости, устала.

Премьера прошла с ошеломительным успехом.

Еще перед началом спектакля, осматривая из-за кулисы зал, Анна Петровна убедилась, что правительственная и директорская ложи полны. Первые ряды партера заняты, она

отыскала глазами Колю, он сидел рядом с командующим военным округом генералом Горностаевым и его супругой. Красивый, подтянутый, он беседовал с сидящей справа от него дамой в мехах, с безвкусно накрашенным лицом и немодной укладкой.

Анна Петровна еще раз окинула взглядом зал. Даже на галерке не было ни одного свободного места. Еще бы, новая послевоенная постановка «Пиковой дамы», молодой, подающий надежды режиссер, сегодня в театре собрался весь музыкальный Ленинград.

– Анна Петровна, пора. Скоро третий звонок, – окликнула ее помощник режиссера Василиса Егоровна.

– Да, да. Уже иду.

После первой же картины – бурные овации. Вадим Яузov был в голосе, их дуэты звучали великолепно. Анна Петровна, забыв о зрителях, о сидящем в зале Николае, полностью отдалась музыке Чайковского и чувствам бедной обманутой Лизы. Она жила, страдала и пела так, что многоопытная, немало повидавшая на своем веку Василиса Егоровна расцеловала ее после объяснения с Германом.

Восторг! Полный восторг!

Три карты, три карты. Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!

Зал рукоплескал! Их восемь раз вызывали на поклон. Сцена была завалена цветами, самый роскошный, конечно, был от Николая. Он с генералом Горностаевым и его супругой заходил к ней в антракте, но она была слишком возбуждена. Они восхищались, восторгались, но Анна Петровна была словно в тумане, к счастью, они быстро ушли. Но вот теперь, теперь она готова принимать поздравления, комплименты, овации. Она счастлива! Счастлива!

Поздравления коллег, работников сцены, гримеров, костюмеров, музыкантов, захлебывающийся от счастья и первого успеха режиссер, бурлящий восторгом худрук...

– Товарищи, не расходимся, сейчас состоится торжественный банкет! Всех прошу! Всех прошу!

В свою гримерку Анна Петровна летела, словно на крыльях. Ах, какое восхитительное чувство! Легкость, счастье, восторг...

Она опустилась в кресло, взглянула в зеркало на свое сияющее лицо, прижала к нему букет алых роз и беззаботно рассмеялась. Но тут вдруг что-то щелкнуло, свет в комнате погас, а по ее щеке скользнул тонкий холодный инурок.

– Кто здесь? Что это? Что так...

– Это вы нашли убитую? – строго хмуря брови и неуютно оглядываясь по сторонам, поинтересовался следователь Кузьменков Афанасий Степанович.

В театре следователю не нравилось. Они сидели в кабинете замдиректора театра, просторном, украшенном лепниной, обставленном дорогой старинной мебелью, с бархатными шторами на огромных окнах. За дверью толпилось руководство театра, в буфете возле накрытых банкетных столов сидело руководство города. Убийство было громкое. Совершено, можно было сказать, с вызовом, в присутствии первых лиц горкома, исполкома и прочих учреждений. В битком набитом народом театре. И ведь убили не абы кого, а солистку! Она, можно сказать, отпеть не успела, рот закрыть, а тут вам, пожалуйста.

Ну, вот что за напасть? В театре тысяча с лишним человек находилось во время убийства, искать среди них убийцу – все равно, что иголку в стоге сена. А ему до пенсии всего ничего не хватало, чтобы еще из органов поперли за профнепригодность.

Ох, грехи наши тяжкие.

Афанасий Степанович неприязненно взглянул на сидящую возле стола расфуфыренную артистку.

– Значит, убитую нашли вы?

– Да, – кивнула Зина, закидывая ногу на ногу и не без кокетства глядя на следователя. Старого сморчка, обрюзгшего и совершенно не интересного. Но таким уж легкомысленным существом была Зинаида Барышева, что, видя представителя мужского пола, пусть и самого неприезентабельного, не могла удержаться от кокетства.

– Расскажите.

– Ну, сегодня у нас была премьера. Собралось много важных гостей. Премьера прошла с большим успехом, после спектакля был назначен банкет...

– Все это нам уже известно, переходите непосредственно к делу, – сухо прервал ее следователь.

– Гм! – дернула плечиком Зина. – Уж куда ближе. Все уже собрались, стали поднимать тосты, а Ани все нет.

– Кого?

– Анны Петровны Щербатовой. Убитой, – чуть не по слогам, как для тупого, повторила артистка. Тоже мне, фифа.

– Дальше.

– Я вызвалась за ней сходить.

– Почему вы?

– Ну, мы подруги, и вообще... Директор попросил, я и пошла.

– Ясно. Дальше.

– А дальше я пришла, постучала, открыла дверь, а там Аня. Вся синяя, глаза навывкате, цветы по полу рассыпаны. Я закричала. Сперва уборщица прибежала, потом рабочий сцены, а затем уже все остальные. Что было дальше, не знаю, меня увели в дирекцию валерьянкой поить.

– Когда вы шли в грим-уборную, ничего странного не заметили? Может, встретили кого?

– Нет.

– А в самой гримуборной было что-то необычное?

– Кроме мертвой Ани? – иронично уточнила артистка. – Да я, когда Аню увидела, чуть в обморок не грохнулась. Что еще более странное я могла увидеть, по-вашему?

– Ладно. Кто, по-вашему, мог это сделать?

Тут дверь в кабинет открылась, и в нее ужасом проскользнул сотрудник милиции, что-то пошептав следователю на ухо, так же бесшумно удалился.

– Так что вы думаете? – повторил свой вопрос Афанасий Степанович.

– Откуда мне знать? Я все это время на банкете была.

– А кто из присутствующих отлучался с банкета?

– Откуда же мне знать? Видели, сколько там народу? Да я половину и знать не знаю, и все они ходили, двигались, толкались туда-сюда. Кто же в этой толчее разберет, кто, где был и куда выходил?

– А в каких отношениях убитая состояла с Вадимом Яузovým? – прищурился следователь, резко спросил Афанасий Степанович.

– С Яузovým? В нормальных, – пожала равнодушно плечами Зина. Плечи ее сегодня были оголены, а шея украшена ниткой жемчуга. Наследство, доставшееся от мужниной прабабки.

– А вот, по моим сведениям, у Щербатовой с Яузovým был роман. – Сделал ход конем Афанасий Степанович.

– Да? И кто вам наболтал такую глупость?

– Эти сведения нам сообщила артистка Леденева.

– Мм. А артистка Леденева не сообщила, что она ненавидела Аню, мечтала занять ее место. Спала с заместителем директора в надежде, что тот снимет Аню с премьерного спектакля и отдаст ее партию Леденовой. И, кстати, об этом знает весь театр. А что

касается Вадима, так он волочился за всеми артистками театра, и оперными, и балетными. Но без всякой цели, так, по привычке. А романы заводил только со своими многочисленными поклонницами, влюбленными и бескорыстными.

– А что, он разве не женат? – полюбопытствовал Афанасий Степанович.

Он знал, что театральный мир – это разврат и бесстыдство, но то, что рассказывала Барышева, не укладывалось ни в какие рамки.

– Ну, отчего же. У него имеется жена Клава и трое отпрысков. Жена в нем души не чаёт. Холит его, лелеет. Посвятила ему всю свою жизнь. Он еще спит, а она уже на кухне готовит ему завтрак и подает в постель, потом делает ему массаж, маски для лица, кормит обедом и везет в театр на репетицию. У них имеется машина, но Вадим так и не научился водить, водит Клава. Потом встречается его с репетиции, привозит на спектакль, обеспечивает ему здоровое пятиразовое питание, следит за его гардеробом, даже носки ему гладит. Сумасшедшая. А самое главное – она совершенно не замечает, что творится у нее под носом. Прежде отдельные доброжелатели пытались ей открыть глаза на похождения Вадима, но она свято верит в его непогрешимость. Теперь все рукой махнули.

– Вот как? Ну, а что же гражданка Леденева? Она отлучалась с банкета?

– Понятия не имею, я же за ней не следила!

– Подпишите протокол и можете быть свободны, если вспомните какие-то детали, звоните. – Подсунул Барышевой исписанную скупым казенным почерком бумажку Афанасий Степанович. – Постников, пригласи Леденеву, а потом мужа убитой.

Зинаида поднялась со стула и покинула кабинет, покачивая обтянутыми бордовым шелком бедрами. Она не теряла присутствия духа и выдержки даже в самых трагических ситуациях. После того как в сорок первом году у Зины на глазах расстреляли отца, мать и старшего брата, никакие убийства не могли выжать слезы из ее глаз.

– Ну что, Афанасий Степанович, как там, в театре, разобрались, кто артистку задушил?

– Да ты что, Сергей Матвеевич? Да там такой Содом с Гоморрой, что за год не разберешься! Тысяча человек народу и каждый друг в дружку пальцем тычет.

– Ты мне это, Степаныч, заканчивай, «за год»! Какой год, когда убийство, можно сказать, на глазах у партийного руководства города совершено. Ты это понимаешь? – промакивая лоб огромным клетчатым платком, строго спросил полковник Летунов.

– Да я-то понимаю, только и ты меня пойми. Годы мои уже не те, не раскрыть мне этого дела. Опозорюсь только на старости лет. А у меня пенсия не за горами. Так что назначай на это дело молодежь. Пускай поработают.

– Ты что это придумал, майор? Что значит, не справлюсь, назначай? Это что еще за настроение? Тебе это дело поручено, мы тут, между прочим, не в пансионе благородных девиц! Это я желаю, это не желаю. У нас приказ. Не забыл, что это такое? – Грозно свел брови полковник.

– Я, Сергей, о том, что такое приказ не забыл, всю блокаду на посту, и ты это не хуже меня знаешь, – с ноткой обиды припомнил Афанасий Степанович. – А только это дело я все одно вести не буду. Меня вон на обследование лечь давно уговаривают, да я все отказываюсь. А теперь вот лягу. Так что решай, по-хорошему мне уйти, или... – не договорил Афанасий Степанович, но глаза от полковника отвел.

– Эх, Афанасий, подвел ты меня, в такой момент подвел, – укоризненно проговорил полковник.

– Ну, уж прости, состарился.

– Николай Васильевич, да как же это? – Заливаясь слезами, уткнувшись лицом в старенький застиранный передник, в который раз спрашивала Глаша. – Кто ж это посмел? У кого рука поднялась? Такая молодая, красивая, жить да жить... Ладно бы война, а то...

Николай Васильевич сидел за столом, сложив перед собой сомкнутые в замок руки, и, казалось, вообще не слышал домработницу. Его посеревшее, осунувшееся после бессонной ночи лицо застыло, словно каменное изваяние. Он сидел, как надгробный памятник, неподвижный, скорбный, безучастный.

За окном серое рассветное небо, казалось, скорбело вместе с ним.

– Глаша, – очнулся от своего безучастия Николай Васильевич, – скоро похороны, театр обещал помочь, а вот поминки...

– Конечно, конечно. Все сделаю. И столы накрою и сготовлю. – Выныривая из передника, покивала Глаша.

– Спасибо. А после похорон вы можете съездить к себе в деревню. Вы давно просились, я помню.

– Батюшки! Да как же так можно? Да, нешто я вас брошу, одного, да в такую минуту?

– Ничего, Глаша. Это ничего. Я хочу один побыть. Мне надо. И потом, товарищи... они помогут.

– Да разве товарищи тут помогут? – Отмахнулась Глаша. – Я вам чаю заварю и поест сейчас сготовлю. Вон как за ночь-то исхудал, даже волос седых прибавилось, – бормоча себе под нос, отправилась на кухню домработница.

Николай Васильевич энергично потер руками лицо и посмотрел на портрет жены. Его год назад написал ей в подарок один известный ленинградский художник, друг их семьи, Володя Арефьев. Хорошо написал. Аня на портрете как живая. Сидит в своем любимом кресле, как на троне, легкая полуулыбка играет на губах, и платье бархатное, вино – красное, ее любимое, а на коленях рассыпан букет цветов.

Портрет был написан так, что откуда бы на него не смотрели, Аня всегда смотрела зрителю в глаза. Вот и сейчас она смотрела прямо на Николая Васильевича и улыбалась, живой, чуть насмешливой улыбкой.

Когда Глаша вернулась в комнату с подносом, Николай Васильевич так и сидел, глядя неотрывно на жену и бормоча что-то, словно разговаривая с нею.

Глава 3

4 сентября 1955 г. Ленинград

Капитан Ленинградского уголовного розыска Евгений Александрович Топтунов сидел над папкой с делом об убийстве артистки Щербатовой, пока еще очень тоненькой папочкой, и вникал в материалы допросов.

Его капитану передали только сегодня утром. Афанасий Степанович Кузменков, который завел это дело, вынужден был срочно лечь в больницу. То ли старая рана дала о себе знать, то ли язва открылась. Ну, да оно и понятно. Возраст. Афанасий Степанович был одним из старейших и заслуженных сотрудников Ленинградского уголовного розыска. На плечи его поколения выпали и революция, и Гражданская война, и Великая Отечественная, у майора наград на всю грудь.

«Пора уж и на покой. А уж они молодые в грязь лицом не ударят», – бодро размышлял капитан, пролистывая страницу за страницей.

За что могли убить советскую артистку, молодую, красивую, талантливую, солистку ведущего Ленинградского театра?

Ну, во-первых, любовь. У нее наверняка были поклонники, возможно, имелся возлюбленный. По всеобщему утверждению, муж Щербатову любил, можно сказать, души не чаял. Весь последний месяц был с частью на учениях за городом, приехал в день премьеры. Во время спектакля сидел в зале рядом с начальством, по свидетельству окружающих, был в прекрасном настроении, в антракте заходил с генералом и его супругой в гримерную, поздравлял жену с премьерой. Между супругами определенно царили любовь и согласие. После спектакля вместе со всеми прошел в банкетный зал и там ждал жену. О ее смерти узнал вместе со всеми.

Мог ли быть у убитой Щербатовой ревнивый отставленный любовник? В принципе мог. Мог даже и убить, но вот способ убийства, удушение... Как-то не романтично, не похоже на убийство в пылу страсти. Нож в сердце, выстрел туда же... Но вот инурок на горло? Размышлял капитан, сосредоточенно разглядывая обтянутый черной клеенкой рабочий стол.

Ну, а как насчет завистников? Творческая среда, такое дело, особенно женщины. Зависть, ревность... А инурком могла воспользоваться и женщина... У красивой женщины и талантливой актрисы наверняка имелись завистники. Имя одной из них даже имеется в протоколе. Елена Леденева.

Что ж, работы – непочатый край. Все сотрудники театра, поклонники, все гости, бывшие в тот вечер в театре, включая партийное руководство города. Впрочем, эту версию начальство не одобрит. Да и выглядит она фантастически.

А для начала, пожалуй, стоит побеседовать с домработницей покойной. Той наверняка многое известно о жизни хозяйки. Муж то на службе, то в отъезде, а вот домработница всегда на посту.

Огуцова Глафира Андреевна. Тысяча восемьсот девяносто шестого года рождения.

«Вот с нее то и начнем», – решил капитан, убирая дело в сейф.

Евгений шагал по залитой мягким осенним теплом набережной, подставляя лицо ласковому солнцу, любуясь кружевной листвой тополей, вытянувшихся вдоль парапета, как сторожевые на вершине крепости, любовался бликами воды, слушал, как постукивают борта лодок возле причалов.

Щербатовы жили на набережной канала Грибоедова, в самом конце, за Исидоровской церковью. Хорошее место, красивое. И до театра недалеко, при желании можно и пешком пройти. И дом у них был красивый, пятиэтажный, с эркерами и красивым фасадом.

Евгений Александрович легко взбежал по пологим мраморным ступеням на третий этаж и решительно нажал кнопку дверного звонка на двери с бронзовой табличкой «Щербатовы».

– Иду, иду, – раздался за дверью недовольный голос. – Кого там еще принесло?

– Откройте, уголовный розыск! – зычно проговорил Евгений, расправляя плечи.

– Ох, простите, пожалуйста, думала, ребята озоруют, – открывая дверь, проговорила пожилая, уютная, маленькая женщина, с седыми, собранными в узел волосами, в синем выцветшем платье. – Проходите, пожалуйста. А я-то никого не ждала, вот и заругалась. В комнату проходите, я сейчас, огонь под кастрюлей убавлю.

Квартира у Щербатовых была шикарная, такая, наверное, и полагается известной артистке. Потолки высокие, с лепниной, люстра хрустальная под потолком, окна большие, шторы на них с кистями, и мебель красивая, а на стене большой портрет.

Евгений пригляделся, женщина, изображенная на портрете, была очень похожа на фотокарточку убитой, имеющуюся в деле.

– Она это, Анна, – проговорила, входя в комнату, домработница. – Как живая, сидит и все время в глаза смотрит.

– Да, красивый портрет, – согласился Евгений Александрович. – Скажите, а вы давно у Щербатовых служите?

– Да уж лет семь, а то и все восемь.

– Расскажите мне о вашей хозяйке, – попросил Евгений Александрович и тут же, словно по наитию, добавил: – Вы извините меня, с утра крошки во рту не было, вы меня чайком не угостите?

– Да, конечно, с удовольствием. Я сегодня кулебяку испекла, Николай Васильевич очень ее уважает, а мне его хоть немного порадовать хочется, а то он, бедный, чуть не поседел от горя. Осунулся так, что один нос торчит. Сейчас подам. – Заторопилась Глафира Андреевна.

– А, может, мы на кухне поговорим, там как-то уютнее, а?

– Ой, да неудобно как-то, – засмутилась домработница.

– Наоборот удобно, я кухни люблю, как-то на них по-домашнему, – поднимаясь, заявил Евгений Александрович.

– Да, что тут особо рассказывать, – прихлебывая чай из большой кружки, вздыхала Глафира Андреевна. – Ведь, как в народе говорят, о покойных или хорошо, или ничего. Так вот об Анне-то Петровне ничего худого все равно не скажешь. Хорошая была женщина, добрая, хоть и избалованная.

– Это как?

– А так. Я, когда к ним поселилась, сперва очень ее невлюбила. Вот думаю, цаца какая. Встанет утром к обеду, полдня в халате да в ночной рубашке ходит. Проснется, кофе ей в постель подай. Потом перед зеркалом гриву свою чешет. Да и то сказать, волосы у нее красивые были, густые, блестящие и завивались крупными такими волнами. Красиво. А потом сядет у рояля брэнчать, да голосить, распеваться, то есть. Тьфу, думаю, тунеядка. А вот потом, как запоет... аж сердце замирает, глаза закрою, руки к сердцу прижму и слушаю. У меня по первости из-за ее пения то котлеты сгорят, то картошка. А то бульон на плиту выплывет. Бывало, стою так, а она мне из комнаты: «Глафира, никак у тебя опять котлеты горят? Вычту за порчу имущества!»

Но это она так шутила. В жизни ни за что копейки не вычла. Наоборот. То платье подарит свое, почти новое, то отрез. А зимой у меня боты совсем прохудились, так она мне новые купила, на меху!

– Хорошая женщина. Добрая, – кивнул Евгений Александрович.

– Ну а то.

– Ну а муж ее как же?

– Николай Васильевич? Ой, хороший человек. Очень жену любил. Сам ни свет ни заря на службу тихо собирается, чтобы Анюту свою не побеспокоить, из театра всегда встречал. Ну, когда служба, конечно, позволяла. Он же в генеральном штабе округа у нас служит. Большой начальник. Своя машина. Цветы ей дарил, подарками засыпал. Слово худое, или упрек какой, или обругать, никогда. Тихо жили, дружно.

– Ну, а поклонники у Анны Петровны были, все же артистка известная?

– Ну, как не быть? И цветы дарили, и после спектаклей ждали, – кивала Глафира Андреевна. – Вы кулебяку-то берите, или не понравилась?

– Да что вы? Такая вкуснотища, – искренне похвалил капитан. – Да только неловко, я уж и так два куска слопал.

– А ничего, если и третий съедите. Мне теперь угощать-то и некого. – Промокнула глаза Глафира Андреевна. – Николай Васильевич над тарелкой посидит, и к себе в кабинет уходит. А больше-то и некого.

– А почему же у супругов детей не было, раз так жили хорошо?

– А вот и не знаю. Только Николай Васильевич очень ребеночка хотел. Когда гости у них были, иногда и с детьми, он всегда с ними возился, на коленках качал, в коридоре в прятки да пятнашки играл. Анна Петровна, бывало, его стыдила. Неудобно перед гостями, что ты, как маленький. А сама вот что-то не рожала. Может, за фигуру боялась или за голос. Но при мне они об этом никогда не говорили.

– Ну, а что же с поклонниками, были такие, что по многу лет ее знали, может, преследовали или в знакомые набивались?

– Да что вы? При таком-то муже? Вы Николая Васильевича видели? Сразу видно – настоящий офицер, выправка, грудь в орденах, высокий, красивый, разве у такого отобьешь? Нет. Поклонники были, но культурные, в подъезде не караулили, по телефону не звонили. А из таких вот, чтобы много лет, только Ваня Гройсман.

– Кто?

– Неужели не слыхали? – удивилась Глафира Андреевна. – Он теперь известным пианистом стал, за границу на гастроли ездит. В Ленинградской филармонии сольные концерты дает. Ему недавно народного артиста присвоили, а когда-то они с Анной Петровной в консерватории вместе учились, в эвакуации были. Вот тогда-то у них любовь и вышла. Но вы не подумайте, ничего такого. Они же еще совсем молодые были. Ухаживал он за ней. А когда в Ленинград вернулись, тут она Николая Васильевича и встретила. Замуж за него вышла. А Ваня, Иван Аркадьевич, так вот и не женился. До сих пор ее любит. Он у нас бывает иногда. Но Николай Васильевич не возражает и всегда о нем хорошо говорит.

– Ясно, – кисло отозвался Евгений Александрович. – Ну, а подруги у покойной были?

– Как не быть? Вот, к примеру, Капа. Капитолина Константиновна, она под нами живет в четырнадцатой квартире. А то вот еще Зинаида Барышева, они вместе в театре служат. С той они тоже в консерватории учились. Говорят, она Анну-то и нашла мертвой, – понизив голос, проговорила Глафира Андреевна.

– А не могла эта Зинаида Барышева сама подругу убить из зависти, скажем, или еще что?

– Да ну вы что? Да разве можно? Да и не из таких Зинаида. Уж я ее знаю. Во-первых, она не хуже нашей Анны Петровны устроена. И муж, и сын есть, и партии в театре. У них, правда, с Анной Петровной голоса разные. У Анны Петровны – сопрано, а у Зинаиды – меццо-сопрано. Так что одни и те же роли не исполняли. Не соперницы.

– Вот, значит, как?

– Ну да. И потом Зинаида, очень уж она прямая. И даже резкая. Придет, бывало, и с порога: «И что ты, Глафира, платье себе не сошьешь хорошее, или эти буржуи тебе не доплачивают? Ходишь, как при царе Горохе, в обносках. Анька-то небось себе пятое платье за неделю справила?» Или вот еще: «Эх, Коля, отобью я тебя у Аньки, совсем она тебя не ценит». И смеется. И все смеются, и никто на нее не обижается.

– Ну, а еще подружки были?

– Лида еще. Та с детства, в одном дворе жили. Она сейчас инженером работает на заводе каком-то. Хорошая женщина, скромная. Да они с Аней сейчас не часто видятся. У Лиды муж, работа, двое детей, мальчик с девочкой. Когда ей? В именины да в Новый год. Ну, может, еще когда раз заедет.

– Все же дайте мне ее адрес, вдруг пригодится, – твердо решил Евгений Александрович. – А теперь давайте подробно вспомним, что происходило у Щербатовых, скажем, за неделю до убийства.

– Что происходило? Ничего. Анна Петровна к премьере готовилась, репетиции, примерки, прогоны, что-то там у нее не ладилось в театре с заместителем директора. Противный такой мужичонка, бывал у нас раза два. Бабник, не приведи господи. Зинаида рассказывала. Ни одной молодой артистки не пропустит. Сам плюгавенький, с пузом, на голове три пера, жена, трое детей. А туда же. Да по нему и видно, лицо сальное, противное.

– А что же за неприятности у Щербатовой могли быть с заместителем директора? Может, он за ней ухаживать пытался?

– Нет. Что вы. Побоялся бы Николая Васильевича. Палки он ей какие-то ставил. Я уж, если честно, не знаю, мне подслушивать чужие разговоры некогда, я все больше на кухне, да на рынке, да постирать, вы лучше у Зинаиды спросите. Она точно все знает. Ну, а сам Николай Васильевич был на учениях, приезжал в пятницу, уезжал в воскресенье вечером. Правда, за три дня до премьеры приехал утром, шкатулку жене подарил. Красивая, старинная, наверно. Вот, собственно, и все.

Разговор с домработницей получился совершенно пустой. Все хорошие, добрые, все друг друга любили. Ни врагов, ни завистников, ни ревности, ни ссор. Не семья, а агнцы божие. Нет. Так дело не пойдет. Да и, по свидетельству милейшей Глафиры Андреевны, хозяйка была женщина избалованная, красивая, к тому же артистка, да еще и известная. Не могло у нее не быть романов и поклонников. Вот чувствует его сердце. Не могло.

– Добрый день, молодой человек, – стоя в дверях квартиры, промурлыкала художавая дама лет тридцати. Она стояла, заполнив своей изогнутой фигурой весь проем, и нагло, не спеша рассматривала капитана, и словно позволяя ему рассмотреть себя. Что сказать, женщина была шикарная, нос тонкий, губы ярко-красные, волосы светлые с рыжиной и уложены в прическу, сама дама в красивых туфлях, в модном синем платье из креп-жоржета, наряжена так, словно в театр или в гости собралась. Только худая очень.

– Вы гражданка Одинцова Капитолина Константиновна?

– Совершенно верно. А вы кто будете?

– Ленинградский уголовный розыск, капитан Топтунов. Разрешите войти?

– Сделайте одолжение, – пригласила хозяйка, и в голосе ее звучала плохо скрываемая насмешка. – Итак, слушаю вас, – усаживаясь на диване и перебирая тонкими пальцами длинные бусы из какого-то прозрачного сиреневатого камня, проговорила Капитолина Константиновна.

– Я по поводу вашей соседки Щербатовой Анны Петровны.

– Ну, разумеется.

– Вы были с ней знакомы?

– Конечно, даже приятельствовали, – пожала костлявым плечиком Капитолина Константиновна.

– Я только что беседовал с домработницей покойной, она очень хвалила хозяйку, говорила, что они с мужем жили душа в душу, никогда не ссорились, что романов у нее не было, вы тоже так считаете?

– Что не ссорились? Конечно, согласна. Что душа в душу... кто его знает, что у другого на душе? Со мной они глубокими переживаниями не делились.

Капитан не сдержал короткого вздоха.

– А вы знаете, – после короткой паузы спросила хозяйка, – что Аня была второй женой Николая, первая жена и сын погибли во время войны?

– Нет, – оживился Евгений Александрович, радуясь хоть какой-то информации.

– Да. Очень он их любил. Глафира, между прочим, у них еще до войны служила, – глядя пристально на капитана, сообщила Капитолина Константиновна.

– А вы откуда знаете?

– Хм. Жили мы с ними в одном доме. Соседями были. Дом разбомбили, жильцов расселили, а мы с Николаем снова соседями оказались. Игра случая. Вы в судьбу верите?

– Что? В судьбу? Нет. Ну, в смысле... – растерялся Евгений Александрович, но быстро собрался и ответил четко, как и положено: – Я атеист.

– Я тоже атеистка, а в судьбу верю, – как-то грустно проговорила Капитолина Константиновна. – Вот взять нас с Николаем. Росли в одном дворе, родители наши приятельствовали, я в него с юности была влюблена. Он был из военной семьи, мой отец был военным специалистом, я в музыкальной школе училась, мечтала скрипачкой стать, он по стопам отца собирался пойти. Дружили в детстве. Я самой красивой девчонкой во дворе считалась, за мной все ребята ухаживали, а Николай женился на Варе. Ну, тогда понятно, он старше меня был, я для него совсем девчонкой была. Но потом, когда Варя с маленьким Сергеем погибли, и мы снова встретились после войны... Мне даже показалось, что у нас может все получиться. Он стал бывать у нас, дарил цветы, приглашал в театры, я уже стала задумываться о свадьбе, и тут вдруг появляется Анна...

– И что было дальше?

– Вы видели ее при жизни?

– Нет. Только фотографию и портрет.

– Да, портрет очень удачный. Анна на нем как живая. Насмешливая, кокетливая, яркая, с роскошной фигурой. Николай влюбился мгновенно. Я увидела, как изменился его взгляд.

– Их познакомили вы?

– Нет. Они познакомились в гостях у наших общих знакомых. Мы пришли туда вместе с Николаем, а уходила я одна. Судьба. Сперва Варя. Потом Анна.

– Но вы тоже, кажется, неплохо устроены? – оглядывая красноречивым взглядом комнату, проговорил Евгений Александрович, внимательно наблюдая за Капитолиной Константиновной.

– Да, устроена неплохо. Но жить с любимым человеком и быть неплохо устроенной – не одно и то же. А впрочем, – спохватилась вдруг Капитолина Константиновна, – я, кажется, разболталась и не к месту. Вы же пришли поговорить об Ане, а я болтала о себе.

«Да, – согласился про себя Евгений Александрович, – и наболтала лишнего».

– Так вот об Ане. Глафира ее не очень жаловала, Варю она больше любила, а особенно Сережу, он ей как родной внук был, сама она одинокая. Так что, если бы Анька закрутила серьезный роман, Глафира бы наверняка пронюхала и донесла Николаю. А раз не донесла, значит, ничего не было.

– А может, Анна Петровна была осторожна?

– Это Анька-то? – насмешливо спросила Капитолина Константиновна. – Нет. Я хоть ей Николая и не простила, но мне она нравилась. В душе она была добрым, порядочным чело-

веком. И Николая любила. Звучит как в пошлом романе, но мы были с ней подругами, и, если бы у нее появилось увлечение, я бы сразу узнала.

– Ну, хорошо, кто же тогда, по вашему мнению, мог убить Анну Щербатову и за что?

– Понятия не имею. – Пожала худыми плечами Капитолина Константиновна, закури-
вая папиросу в длинном мундштуке. – Ищите в театре. Ее там убили, там же логично искать
убийцу. Анна говорила мне за несколько дней до смерти, что какая-то молодая артистка...
Леденева, кажется? Хочет отнять у нее роль, и даже склонила на свою сторону кого-то
из начальства. Признаться, я слушала не очень внимательно, думала, это все не серьезно,
а так, капризы, фантазии, жалобы. Аня, как всякая творческая личность, была склонна к
излишнему драматизму.

Капитан Топтунов не спеша брел по тротуару, обдумывая недавний разговор.

Капитолина Одинцова была всю жизнь безответно влюблена в Николая Щербатова.
Мечтала выйти за него замуж, но тот женился на другой. Убийство соперницы, чем не
мотив? Вот только поведала об этом ему сама Капитолина, и эта искренность исключает
ее из числа подозреваемых.

А, может, она не прямая и искренняя, а наоборот, невероятно хитрая и расчетливая?
Сообразила, что рано или поздно о ее романе со Щербатовым станет известно следствию, и
решила сама все рассказать, прикинувшись невинной овечкой?

Евгений Александрович припомнил Капитолину. Худоцавая, с чуть резковатыми мане-
рами, открытым насмешливым взглядом и какой-то едва уловимой горечью на дне серо-голу-
бых глаз. Устроенная, но не счастливая. Да, пожалуй, впечатления счастливого человека она
действительно не производит. Впечатления лживого человека – тоже.

А Глафира Андреевна? Возможно, она и недолюбливала покойную Щербатову, но моти-
вов ее убивать у домработницы точно не было. Или все же были?

Недоплатила жалованье? Обругала? Не любила обожаемого Глафирой Андреевной
Николая Щербатова? Или не уважала память его первой жены и сына?

Пока что ни одна из этих версий не показалась капитану перспективной. Нет. Надо
искать.

Евгений Александрович остановился на перекрестке, пропуская автобус, и мельком
взглянул на часы. Шестой час. Закончить на сегодня дела и отправиться домой, повозиться
с Люсей, дочурка ужасно по нему скучала и так радовалась в те вечера, когда Евгению Алек-
сандровичу удавалось вернуться домой пораньше. С невольной улыбкой на губах он представил
себе счастливое, смеющееся лицо дочурки, с россыпью золотистых веснушек на носу.

Или же отправиться в театр и перед представлением опросить персонал театра? А
получится ли у него в рабочей суете и волнении подробно и толково поговорить с людьми?

Вряд ли, не без удовольствия заключил Евгений Александрович, и вместо того, чтобы
свернуть налево к театру, повернул направо, к Садовой улице.

– Женя! Ты что так рано? – обрадованно спросила жена, выходя в прихожую.

– Папка! Папка пришел! Папулечка! – Вылетела ему навстречу из комнаты Люсенька
и с разбегу запрыгнула Евгению Александровичу на руки.

– Ух, какая уже большая! – Целуя дочку в обе румяные щеки, весело проговорил капи-
тан. – Скоро не смогу такую большую на ручках держать.

– Сможешь, сможешь, ты у меня сильный! – гордо заявила Люся. – Ты даже маму
поднимаешь, я видела!

– Жень, ты не очень устал? Сходите с Люськой в гастроном на углу. Купите масла
грамм сто, и колбасы «Краковской», и еще четвертинку черного. Сходите?

– Пап, пошли! Пошли! – радостно запрыгала Люська, дергая его за руку.

– Ну, пошли, сандалики надевай.

– Вот, молодцы, помощники, а то я котлеты жарю, самой не отойти. Вот сетка.

Евгений Александрович засунул сетку в карман, Лоська обула сандалии, и они, держась за руку, отправились в магазин.

Глава 4

20 апреля 2019 г. Санкт-Петербург

Фирма Ильи Колесникова IT-Production & Co располагалась в современном офисном центре, оформленном в стиле хай-тек. Стекло, хром и прочие прибабасы.

Старший лейтенант Захар Игнатов решительно распахнул выполненную из матового стекла дверь и замер в полнейшем недоумении. И даже сделал несколько шагов назад, чтобы еще раз взглянуть на латунную табличку справа от двери.

Табличка гласила, что он попал по адресу. Посреди просторной светлой приемной стоял бильярдный стол, и несколько сотрудников, сгрудившись вокруг него, самозабвенно резались на бильярде.

– Гм, гм, – прокашлялся Захар, дабы привлечь к себе внимание.

– Ленька, не халтурь! Соберись давай.

– Эй, мужики, не наглейте! Ленька, ноги из бильярда вынь.

– Ленечка. Мы за тебя боеем.

Внимания на старшего лейтенант никто не обращал.

Однако. «Оригинальная у них контора», – решил Захар и, пристроившись возле ресепшена на гостевом диванчике, придался созерцанию.

Вокруг бильярда собралась компания из шести человек, как вскоре стало ясно, играли они трое на трое. В одну команду входили бородатый тип с хохолком на макушке, тот самый Ленечка, за которого болели, приземистый тип с брюшком и потными подмышками, и девица легкомысленной внешности, с рыжеватыми кудряшками, очевидно, секретарша. В другой команде играли очкарик с вытянутым лошадиным лицом, знойная девица лет под тридцать с выдающимся бюстом и единственный среди собравшихся прилично одетый мужик, в рубашке и костюмных брюках, гладко выбритый, с интеллигентным лицом и в дорогих ботинках.

«Вероятно, начальство», – логически заключил Захар. Он еще понаблюдал за галдящими сотрудниками, вели они себя раскованно, играли азартно, на Захара по-прежнему никто внимания не обращал.

Он подождал еще минут пять и, выбрав момент, когда в игре наступило относительное затишье, подошел к гладковыбритому типу.

– Добрый день.

– А? Ой, простите, не заметил, как вы вошли. Вы ко мне?

– Я ко всем. Вы тут олицетворяете руководство? – изысканно поинтересовался Захар. Не то, чтобы он делал это намеренно, просто жизнь, проведенная в семье профессора филологии, наложила неизгладимый отпечаток на его личность.

– Нет. Что вы, Палыч! Палыч! – окликнул молодой человек кого-то по ту сторону бильярдного стола. – Сашка, ткни Палыча, тут клиент пришел!

Кудрявая девица, в прямом смысле слова, ткнула потного пузана пальцем в бок, привлекая его внимание.

– Палыч, тут клиент пришел! – крикнул вырванному из тисков азарта руководству. – Молодой человек.

– А? Клиент? А разве у нас были назначены какие-то встречи? Ольга, мы кого-то ждали?

– Нет, Денис Павлович, – ответила ему грудастая девица, очевидно, служившая в этой сумасшедшей конторе секретаршей.

– Хм, – наморщил лоб Денис Павлович, а прочие сотрудники наконец-то оторвались от игры и тоже уставились на Захара. – А вы от кого? Вы как о нас узнали?

– Я, собственно, от начальника районного отдела полиции полковника Тарасова. По поводу убийства совладельца вашей компании Ильи Колесникова. Старший лейтенант Игнатов, – доставая документ, представился Захар.

– Ильи, ну, конечно, – печально качая головой, проговорил толстячок. – Ребята, думаю, на сегодня турнир окончен. – Оглядывая приунывших сотрудников, проговорил их потный руководитель. – Ольга, зафиксируйте, пожалуйста, счет. А нам с вами лучше пройти в мой кабинет, – обратился он к Захару.

– Вы присаживайтесь, я сейчас. – Нырря в распахнутый шкаф, предложил Денис Павлович, вынырнул он оттуда уже в свежей футболке, чуть более приглаженный и подсохший, чем прежде. – Вы, наверное, нас за психов сочли? – усаживаясь за рабочий стол, поинтересовался Денис Павлович. – Бильярд этот в рабочее время. Крики, вопли. – Он криво усмехнулся. – Это Илья придумал. Понимаете, наша работа требует креативного, нестандартного подхода, нестандартных, иногда сумасшедших решений. Конкуренция на рынке велика, фирм, оказывающих аналогичные услуги, в городе много, надо как-то выживать, поддерживать уровень. Вот Илья и придумал. Перед тем как приступить к работе над сложным заказом, мы устраиваем командный турнир, причем каждый раз состав команд разный. Как выяснилось, все мы очень азартные, бильярд нам всем нравится, вот и режемся. Сперва в бильярдный зал ходили за углом, а потом вот свой стол купили. Эмоции зашкаливают, командный дух укрепляется, адреналин кипит, и вот в таком возбужденном состоянии у сотрудников рождаются самые интересные, нерядовые идеи. То есть самые ценные. Знаете, какой сайт мы городскому кладбищу отгрохали? Закачаешься. Взглянешь, и самому коньки отбросить захочется! – радостно делился успехами фирмы Денис Павлович, но потом вдруг, кое о чем вспомнив, мгновенно скис. – Извините. А сейчас мы работаем над очень крупным, серьезным заказом, нам нужен положительный заряд.

– Извините, что своим визитом сбил у сотрудников нужный настрой, – стараясь скрыть сарказм, проговорил Захар.

– Да нет. Нет, что вы. Все нормально, к тому же Илья. Наверное, это вообще было кошунством с нашей стороны устраивать турнир сразу после его смерти, но заказ...

Захар взглянул на табличку, стоящую на столе Дениса Павловича. «Технический директор Денис Павлович Неурядов».

– Как вы узнали о смерти Колесникова?

– Мне позвонил соучредитель нашей фирмы Никита Збруев и сказал, что Илью убили.

– А он откуда узнал?

– Ну, как же? Они же с Илей еще с университета дружили, вместе фирму открывали, вместе ее раскручивали. Правда, в последнее время мы их редко видели. Илья иногда заезжал, но его больше бильярд интересовал, чем работа. А Никита, он года два назад с семьей в Испанию уехал, на постоянное место жительства. Открыл там фирму, аналогичную нашей, так что в Петербурге бывает нечасто. Но зато по скайпу каждый день на связи. Никита всегда в курсе наших дел, иногда советы дельные дает, иногда свою команду подключает испанскую, ну, вроде как интернациональная компания получается. Иногда нам оттуда заказы подкидывает.

– А про смерть Ильи он как узнал?

– Я думаю, ему родственники Ильи позвонили. А вообще не знаю, не спрашивал. Но вы не волнуйтесь, он завтра сам прилетает, сможете у него лично спросить, – оживился Неурядов.

– Хорошо. Ну, а кто из сотрудников фирмы был хорошо знаком и лично общался с Колесниковым?

– Ну, знали его все, как я уже говорил, он иногда заглядывал в фирму. Как мне кажется, от скуки, – не удержался от замечания Денис Павлович. – А вот общался... Ну, Ольга его

давно знает, наш секретарь, она у нас с открытия фирмы работает, тогда Илья еще полноценно трудился в фирме.

– А Илья был хорошим специалистом, все же для того, чтобы открыть и раскрутить свою фирму, требуются определенные таланты?

– Если вы имеете в виду, каким он был программистом, то весьма средним, тут больше тянул Никита. Зато Илья был очень энергичным, оборотистым и виртуозно затягивал в фирму клиентов, выжимал из них гонорары. Тоже талант. Не у всех так выходит, – с сожалением проговорил Денис Павлович.

– Вы, как я понимаю, тоже работаете в фирме со дня ее открытия?

– Практически да. С отъездом Никиты я тяну на себе всю работу в фирме и ее фактическое руководство. Кроме финансов. На финансах у нас сидит доверенное лицо, сестра Никиты, Нина Александровна. Железная женщина, даже Илья ее не смог обаять. Лишней копейки из нее не выбьешь, аванса не допросишься. Но она в офисе появляется редко, работает на удаленке. Бухгалтеру необязательно в фирме сидеть, она нас по компьютеру контролирует. Деньги сейчас все по безналу переводят, и также зарплату получают.

– Ну, хорошо, а кто еще, кроме вас и секретарши, был близко знаком с Колесниковым?

– Кто еще? – задумчиво почесал макушку Денис Павлович. – Митя, это тот парень, с которым вы заговорили, он у нас года два работает. Алиса, маленькая такая с кудряшками, около года. С виду девчонка девчонкой, а такой талантище, жутко башковитая барышня, всем нам нос утереть может, если захочет! – не сдержал своих восторгов Денис Павлович. – Сеня, это с бородой, тоже чуть больше двух лет. Выходит, что только мы с Ольгой, ну, и конечно, Никита с Ниной.

– Ну, а неприятности у вашей фирмы в последнее время были? Может, конкуренты некрасиво себя вели или отжать фирму кто-то пытался?

– Да нет, ничего такого, сидим тихо, работаем, – пожал плечами Денис Павлович.

«По нулям», – заключил, покидая офис, Захар. Вот разве что с бухгалтершей побеседовать, и с братцем ее прибывающим?

– Капитан Ушаков, мы с вами договаривались, – держа в вытянутой руке удостоверение, сообщил в дверной глазок Никита Александрович.

Дверь распахнулась, за порогом стояла ничем не выдающаяся женщина лет тридцати, с русыми волосами, серыми глазами, слегка вздернутым носом.

– Проходите, разувайтесь, – устало проговорила Полина Колесникова, приглашая капитана в комнату. – Садитесь.

Обстановка в комнате была скромной и уже не новой. Диван, кресла, стенка. С квартирой Колесникова скромная двушка его бывшей жены не имела ничего общего. Видать, покойный Илья Андреевич и вправду был эгоистом и раздолбаем.

«На собственном ребенке экономил. Мерзавец», – устраиваясь в продавленном кресле, зло подумал про себя капитан.

– Значит, Илью убили? – садясь напротив него, спросила Полина Сергеевна. – А как это случилось? На него на улице напали?

– Вообще-то я не вправе обсуждать с вами подробности случившегося. Но... нет. Его убили в собственной квартире. Если точнее, зарезали. Вы не знаете, кто это мог сделать?

– Нет. Мы с Илей практически не общались в последнее время. Алименты он переводил мне на карту, всегда с опозданием, иногда его мать привозила мне деньги, а чаще Зоя Дмитриевна, она вообще единственная, кто интересовался Ваней из их семьи. С сыном Илья не виделся полгода. У Вани день рождения был в январе, он и тогда не появился, – с болью проговорила Полина.

«Вот сволочь», – тут же про себя среагировал капитан.

– А кого-то из знакомых покойного вы можете назвать, друзей, коллег, приятелей?

– Ну, когда мы были женаты, он общался с Никитой Збруевым, у них общая фирма, я и жену его знала, но сейчас они уехали из России, потом был у него школьный приятель Артем Пыляев, еще Коля Рябов и Даня Борисов. С ними Илья давно дружил, а остальные были скорее знакомыми, кто-то появлялся, кто-то исчезал с горизонта. Илья всегда был общительным человеком. Обожал тусовки, так что знакомых у него была тьма. Вы загляните в его мобильник или на страницу ВКонтакте, там, наверное, не меньше тысячи имен, и все друзья.

В словах Полины читалась боль обиды, на всех у Ильи хватало времени, кроме родного сына. И она права.

– А знаете, вы, наверное, смотрите на меня и думаете, что у нас с Ильей было общего, кто я и кто он? – Капитан неопределенно пожал плечами. – Да, сейчас я выгляжу жутко. Я знаю. В зеркало смотреться не хочется. А когда-то... мы с Илюшкой на одной тусовке познакомились, я тогда выглядела супер, оба молодые, легкие, веселые, нам так здорово было вместе. – На лице Полины появилась тень горькой улыбки. – Оба студенты, забот никаких, жизнь прекрасна, все впереди. Мы очень быстро сошлись, жили и никогда с ним не ссорились. Знаете, я очень люблю Ваньку, сына, но иногда плачу ночами в подушку и думаю, что я наделала? Зачем? Если бы не эта беременность, мы до сих пор могли быть счастливы вдвоем. А тогда, едва я забеременела, мать сразу же пронюхала, не знаю как, а я, дура, созналась, да, беременна. И началось! Отец с матерью на дыбы, никаких аборт, женитесь! Ну, какие из нас родители были? Никакие. Но под давлением моих родственников свадьба была сыграна, родился Ваня. Илья пытался первое время заниматься ребенком, «играл» в хорошего отца. Я тоже не была идеальной матерью, мне хотелось с ним в гости, а у меня грудной ребенок на руках, мне хотелось в клуб, ночью на озеро купаться, а у меня Ванька. Я злилась, закатывала истерики, скандалила. Естественно, мы развелись. Илья продолжил жить, как привык, а я оказалась одна в бабушкиной двушке, с маленьким ребенком на руках, со скучной бесперспективной работой. Яслями, садиками, маленькой зарплатой, вечным вопросом, где взять денег, без всякой надежды на счастье. Я превратилась в клушу, в наседку, я никому не нужна, я вечная мать-одиночка. Родители, конечно, помогают с Ванькой и деньгами как могут, но разве об этом я мечтала? Этого хотела? Иногда я их просто ненавижу! Они мне сломали жизнь. Не Илья, а они! – всхлипнула Полина, некрасиво утирая нос рукавом футболки. – А узнав, что Илья умер, мать его вчера звонила, заливалась соплями, о внучке вдруг вспомнила, – зло пояснила Полина. – Так вот, узнав, что он умер, я подумала прежде всего о том, что нам с Ванькой наследство полагается, квартира его, машина. Вот такая я, оказывается, славная девушка!

Выходил капитан Ушаков из квартиры со смешанным чувством гадливости и жалости. Жалел он исключительно мальчика Ваню, которому катастрофически не повезло с родственниками, а отвратительны ему были родители этого самого мальчика. Однако эмоции к делу не пришьешь, а у Полины Колесниковой на время убийства ее бывшего непутевого мужа было твердое алиби.

– Ну, что, народ, какие новости? – усаживаясь за рабочий стол, поинтересовался капитан у Захара и Толика Жукова.

– В фирме ничего интересного раскопать не удалось, завтра встречусь с их бухгалтершей. Может, она что подкинет, ну, и второй соучредитель завтра из Испании прилетает, давний приятель Колесникова. Это все, – развел руками Захар.

– Толик?

– Толику, как всегда, вся грязная работа досталась, – не преминул пожаловаться лейтенант Жуков, скорчив кислую мину. – Не нашел я свидетелей. Нет их. Ни соседей, ни автолюбителей, ни пенсионеров, никого. А у вас что? – с привычной беспардонностью поинтересовался Толик.

– Родственники горюют, бывшая жена мечтает поскорее поделить наследство, назвала имена бывших друзей Колесникова. Посоветовала изучить его страницы в соцсетях и телефонную книгу. Я туда заглянул и ужаснулся. Покойный был человеком невероятно общительным. Пара сотен групп, не меньше тысячи друзей, мрак кромешный. Мы их за календарный год всех не перелопатим.

– Так чего делать? – приуныл Толик. – С такой раной ни на несчастный случай, ни на самоубийство не спишешь.

– Прекратите, Жуков, стыдно так рассуждать, – одернул его капитан. – Захар, ты занимаешься бухгалтером и компаньоном, Жуков, штудируешь переписку покойного в соцсетях, ну а я займусь друзьями-приятелями.

– А все-таки, согласись, Никит, удар в сердце, есть в этом что-то мелодраматическое. – Изящно отставив руку в сторону и закатив глаза, заметил Захар. – К тому же орудие убийства, что там эксперты пишут? Тонкое острое лезвие? Стilet, шпага, заточка? Нет, последнее не годится. Напрочь лишено романтики.

– Балабол. – Не одобрил его шутливый настрой капитан. – Думайте лучше, кто и чем мог Колесникова убить. Способ убийства действительно не рядовой.

– А может, его просто грабануть хотели? Залезли в квартиру, тут хозяин в кресле дрыхнет, проснулся, они с перепугу его чем-то пырнули и сбежали. А? – почесав макушку, предположил Толик Жуков.

– Чушь. Могли сбежать и не убивая, это раз, но если убили, то почему ушли с пустыми руками? В чем смысл? Нет. Ограбление отпадает, – категорически отмел версию Толика капитан. – Так что легко с делом Колесникова не будет. А теперь свободны, и без результатов на глаза не являться.

Глава 5

5 сентября 1955 г. Ленинград

В театр Евгений Александрович отправился к десяти утра.

«Технический персонал уже должен быть на работе. Уборщицы, работники сцены, директор и прочие, не артисты, наверняка уже на месте», – рассуждал капитан, подходя к величественному зданию театра.

Евгений Александрович не был заядлым театралом, но все же раз десять за свою жизнь в театре побывал. Однажды видел и оперу. Их всем отделом водили в канун Октябрьской революции на новую постановку. Сильно. Громко. Оркестр так грохотал временами, что кровь в жилах стыла. Да и артисты хорошо пели, жаль только, не все было понятно, но забирало здорово. Может, купить билеты да сходить с Верой на какой-нибудь спектакль? Она, наверное, обрадуется. И Евгений Александрович потянул на себя тяжелые дубовые двери.

– Ну, что вы, товарищ, на все ближайшие спектакли билеты распроданы, – с непонятным укором ответила ему кассирша.

– Георгина Карловна, – входя в кассу, прервал даму подтянутый осанистый товарищ, с глубокими залысинами и крупным носом. – У нас будет замена спектакля... Простите, товарищ, а вы по какому вопросу?

– Да я билеты хотел купить, – собираясь отойти от кассы, расстроено пояснил Евгений Александрович.

– А вы, собственно, откуда? – как-то неуместно поинтересовался осанистый товарищ, внимательно взглядываясь в капитана.

– Я из угро.

– Ах, по поводу Анны Петровны? – отчего-то обрадовался товарищ. – Георгина Карловна, посмотрите из директорского фонда. Вам на что желательно? Балет, опера?

– Опера.

– Вот, рекомендую, «Аида», прекрасная постановка. Музыка Верди. Или вот из отечественной классики. «Евгений Онегин». Не желаете?

– Давайте из отечественной, – все еще слегка растерянно проговорил Евгений Александрович.

– Вот, извольте, два билетика. Очень хорошие места. Георгина Карловна, получите с товарища денежку, а потом зайдите ко мне. Я, кстати, администратор театра, Суржиков Модест Петрович. В интересующий вас вечер был в театре, но имею, как это говорится, твердое алиби. Развлекал с самого начала банкета супругу одного из гостей, фамилию и должность супруга могу представить. Очень важная дама, но ничего не понимала в опере, во время спектакля страшно скучала. Директор попросил исправить положение, вот я и старался как мог. Шампанское, пирожные, пардон, анекдоты, ну и прочее в том же роде. Ни на секунду не отлучался. Меня видели многие и кроме нее. Могу составить список.

– Спасибо, – сухо вато ответил капитан.

Администратор показался ему на редкость неприятным и пронырливым типом, алиби его, разумеется, надо проверить, соврать может каждый, а такой тип тем более. Но, положив руку на сердце, Евгению Александровичу слабо верилось, чтобы этот хлыщ решился на убийство. Да и удушение, скорее всего, не его метод, отравы, это вернее, или просто травля. Последнее часто оказывается не менее эффективно, чем физическая расправа.

– Как мне пройти в дирекцию? – заплатив деньги, поинтересовался Евгений Александрович у кассирши.

– Вам бы лучше со служебного входа зайти, так будет короче, и вас проводят, – посоветовала кассирша, улыбаясь ему неискренней натянутой улыбкой.

У самого директора Евгений Александрович не задержался. Тот был в вечер убийства невероятно занят, все время на виду, убивать артистку Щербатову ему было категорически некогда. Так что, заручившись поддержкой начальства и в сопровождении секретарши, капитан отправился осматривать место убийства и допрашивать возможных свидетелей.

Грим-уборная покойной Анны Щербатовой, наверное, мало отличалась от расположенных по соседству. Темноватая, тесная, ярко освещен был лишь стол перед зеркалом, тоже весьма старинный. Вероятно, за ним гримировались артисты еще в царские времена. Такой же старой выглядела вышитая ширма в углу и диванчик справа от двери.

– Вы не могли бы оставить меня одного? – обратился к секретарше Евгений Александрович. – А минут через пятнадцать пришлите ко мне сотрудников театра. Можно не всех сразу, а группами. Я, пожалуйста, буду беседовать с ними здесь.

– Прямо здесь? – с неким благоговейным ужасом переспросила секретарша, прикрывая ладонью рот.

Она была уже не молода. Одета в строгий синий костюм, с тщательно уложенными, словно неживыми волосами, и этот девчоночий кокетливый жест смотрелся в ее исполнении нелепо.

Секретарша вышла, а Евгений Александрович присел за стол, заваленный всякими женскими мелочами – коробочками с гримом, щетками для волос, еще какой-то мишурой. Отодвинул в сторону вазу с огромным еще не увядшим букетом. Включил большие яркие лампы возле зеркала и огляделся.

Значит, вот так за столом сидела убитая. В зеркало ей хорошо была видна входная дверь.

Когда Щербатову нашли, она все еще была одета в сценический костюм. Значит, убили ее почти сразу же после возвращения в гримерку. Убийца мог зайти вместе с ней или же даже поджидать ее... Надо будет узнать, кто видел, как она входила к себе. Или зашел чуть позже. Когда суета в коридоре улеглась. Но не очень поздно, потому что Щербатова так и не успела переодеться, хотя на банкете ее ждали руководство театра и муж.

Впрочем, сразу вслед за Щербатовой убийца войти вряд ли мог. По коридору то и дело ходили люди, его бы заметили. Или ее. А если убийца занимает соседнюю со Щербатовой грим-уборную, тогда могли и не обратить внимания. Подумали бы, что он зашел к себе. Надо обязательно уточнить и этот вопрос.

Значит, вариантов два. Либо зашел вместе с артисткой. Или ждал ее в грим-уборной. Скажем, за ширмой. Капитан встал и заглянул в огороженный угол. Там стояло старое, обитое бирюзовым тисненым шелком кресло с потертыми подлокотниками. Капитан присел в кресло. Убийца при желании мог устроиться с комфортом. И артистка, войдя в уборную, не сразу бы его заметила. Входя к себе в «пустую» гримерку, она могла бы продолжать разговор с коллегами, и все, в том числе и она, были бы уверены, что в комнате у нее за спиной никого нет. Версия нравилась капитану все больше.

Она вошла в гримерку, села перед зеркалом с букетом роз в руках, счастливая, улыбающаяся. Потом заметила кого-то в зеркале у себя за спиной. Кого-то знакомого и не страшного, потому что не закричала.

«А закричи оперная певица от страха, на ее вопль сбежалась бы куча народу», – рассудил капитан, вспоминая тот единственный оперный спектакль, который ему довелось увидеть. Голоса у артистов громыхали так, что на галерке хрустальные подвески в светильниках дребезжали!

Значит, не испугалась, а, возможно, продолжала улыбаться. Убийца подошел к ней со спины, накинул на шею удавку, и вот тут веселье закончилось. Кричать она больше не могла, руками стала хвататься за шнурок, пытаюсь защититься. На пальцах рук остались следы. Но шнурок сжимался все туже. Пока Щербатова окончательно не задохнулась.

Затем убийца покинул гримерную, и... И? Отправился на банкет? Вернулся в свою гримерку? На рабочее место? Продолжить цепь рассуждений следователь не успел.

В комнату постучали.

– Войдите, – вновь садясь на старенький продавленный стул перед зеркалом, разрешил капитан Топтунов.

– Разрешите войти? Помощник режиссера Вольнская Василиса Егоровна. Я вела спектакль в день гибели Анны Петровны, – проговорила полная, высокая женщина, с убранными в узел густыми с проседью волосами, в белой строгой блузке и темной юбке.

– Проходите, присаживайтесь. – Такие простые, ясные женщины нравились капитану.

Женщина-товарищ, женщина-труженица. С ними было легко и ясно. С ними легко дружилось и легко работалось, на них можно было положиться, им можно было довериться. Это они работали в тылу, не покладая рук и не жалея сил, обеспечивали победу, они ждали мужей, растили детей, поднимали страну. Евгений Александрович глубоко уважал их, а потому Василиса Егоровна вызвала у него мгновенную симпатию.

– Василиса Егоровна, расскажите мне все, что помните о вечере, когда убили Анну Щербатову, начиная с того момента, как спектакль закончился и занавес опустился. Где вы сами находились в это время?

– В кулисах, за пультом. На мне же весь спектакль. Даже занавес не поднимут без команды.

– Значит, вы в театре вроде главнокомандующего? – пошутил Евгений Александрович, с приятным человеком и пошутить приятно.

– Не главный, но все же командующий, – скупо улыбнулась в ответ Василиса Егоровна. – А в тот день после спектакля много оваций было, занавес поднимали раз восемь, не меньше. Все это время я была на месте. Когда наконец публика стала расходиться, подошла, поздравила артистов. Анна Петровна в этот вечер была божественно хороша.

– Значит, занавес окончательно закрылся, вы были в кулисах. Артисты на сцене. Что было дальше, кто присутствовал?

– Ну, всех так сразу и не вспомнишь. Ну, артисты были все, кто в спектакле занят. Дирижер был, режиссер спектакля, первая скрипка. Директор был, пригласил всех артистов на банкет. Были костюмеры, гримеры. Да, в общем-то, в конце спектакля все собрались, поздравляли друг друга с удачной премьерой, настроение было великолепное, столько времени работали всем коллективом, и такой успех, это всегда отрадно. Потом стали потихоньку расходиться. Не спрашивайте меня, кто, куда и как? Не помню. Ко мне подошел режиссер, и мы с ним обсудили кое-какие рабочие детали. Потом он ушел праздновать, я переговорила с работниками сцены. У нас декорация туго выходила во втором акте, надо было выяснить, в чем там дело. А потом с реквизитором разговаривала, там у них тоже накладка небольшая вышла. А потом проверила пульт, зашла к себе в кабинет, нос немного припудрить, да пот со лба промокнуть. И пошла на банкет. Была куча народу. Много незнакомых людей. Но я разыскала заведующую нашей литературной частью Ольгу Юрьевну, она как раз разговаривала с нашим репетитором Володей Жуковым, вот так мы втроем в уголочке и стояли, когда прибежала Зина Барышева и сообщила, что Анну Петровну убили.

– Что было дальше?

– Немая сцена, как в «Ревизоре». Затем директор что-то сказал, вроде не волнуйтесь, товарищи, сейчас разберемся. И вышел из зала.

– Кто еще с ним вышел?

– Муж Анны Петровны, Зинаида Барышева, из кадров товарищ, он тоже был на премьере, и я. Остальные остались в зале.

– Дальше?

– Дальше, когда мы подходили к грим-уборной, там уже стояла небольшая толпа. Уборщица, два осветителя, работник сцены, ну, да у вас, наверное, есть их список. Они все стояли в коридоре, внутрь не заходили.

– Кто вошел первым?

– Кажется, директор, но вообще они со Щербатовым почти одновременно вошли. А потом уж мы. Комната, как видите, тесная, мы остались на пороге. Щербатов сразу же к жене бросился. Выглядела она ужасно. Синяя, глаза навывкате. Ужас. – Василиса Егоровна передернула плечами. – Тут же крикнули, чтобы «Скорую» вызвали, кто-то сообразил про милицию.

– А кто именно?

– Ну, директор закричал: «Врача, срочно врача!», а кто-то из работников сцены, а может, и уборщица, я точно не помню, сказал, что врача уже не зачем, милицию надо, и режиссер наш побежал звонить.

– Вы не заметили ничего странного или необычного в гримерке, когда вошли?

– Странного? Да я как Анну Петровну увидела, так уж больше ни на что и смотреть не могла.

– Ну, хорошо. Значит, после окончания спектакля, когда артисты ушли в гримерки, вы оставались в кулисах?

– Да.

– Хорошо. А кто занимает соседние с Щербатовой грим-уборные?

– Справа Вадим Яузов, Карсунский, дальше – Валентина Паришина. А слева Зинаида Барышева, Ольга Димитровска, Григорий Дубовицкий, Сергей Молчальников. Но Карсунский, Паришина, Молчальников и Барышева в тот вечер не пели.

– Спасибо, вы можете быть свободны. Пригласите, пожалуйста, вашего режиссера, он сейчас в театре?

– Да, разумеется, сейчас идет репетиция. Анна Петровна умерла, но у нас репертуар, афиша. Так что сейчас на ее роль ввели Елену Леденеву, и Виталий Семенович с ней репетирует. Кстати, если вам интересно, то и Вадим Яузов тоже на репетиции.

– Прекрасно. Сперва поговорю с режиссером, а потом уже с артистами, – обрадовался капитан.

Добиться хоть какого-то толка от режиссера капитану не удалось. Все, о чем он мог думать и говорить, это его спектакль. Провалится он после смерти Щербатовой или нет? А вдруг это проклятие «Пиковой дамы»? Есть такое предание. А вдруг из-за убийства начальство передумает и запретит спектакль, или это сделают органы?

После пяти минут беседы Евгению Александровичу было абсолютно ясно, что неврастеник-режиссер Щербатову не убивал, что ничем, кроме собственного детища, он не интересуется, не видит, не слышит, не замечает. И сообщив ему сейчас, что родная мать при смерти, он попросит передать, чтобы подождала до конца репетиции.

С Яузовым все вышло еще проще. Он покинул сцену в окружении поклонниц, все они прошли с ним в грим-уборную, там пили шампанское, пели ему дифирамбы, а потом все вместе отправились на банкет. Бессмысленно говорить, что он ничего вокруг себя не слышал и не видел. Самовлюбленный павлин.

– Не, в конце спектакля я фойе убирала, а уж потом за кулисы пошла. И то сперва сцену прибрала, потом уже коридоры мыть стала, так они уже к тому времени все разошлись, – рассказывала Евгению Александровичу уборщица, коренастая, с красными натруженными руками в форменном синем халате и серой от старости косынке.

- Все? То есть это было после того, как Щербатову нашли?
- Не. Раньше. Когда нашли, тут уж какое мытье?
- То есть вы мыли коридор, когда все ушли на банкет? – спокойно, скрывая напряжение, уточнил капитан. – А Щербатову еще не нашли?
- Ну да. Тогда и мыла.
- И вы видели, как Зинаида Барышева вошла к Щербатовой?
- Ну да.
- И как это было?
- Да я уж рассказывала как. Вошла, значит, дверь еще не успела за собой прикрыть, да как заорет: «Аня! Аня!!» А голос-то у ей, о-го-го! Я тут же ведро с тряпкой побросала и туда.
- И что?
- И то. Сидит в кресле, глаза навывкате, на шее красная полоса, и розы по коленям рассыпаны. Чистый ужас, на сцене такой страсти и то не увидишь.
- Так. Необычное в гримерке что-нибудь заметили? Может, отражение в зеркале, или показалось, что в комнате кто-то спрятался, или вещь какая-то на полу лежала посторонняя.
- Спрятался? Да где же там спрячешься? – пожала плечами уборщица. – Ну, разве что за ширмой? Ох, ты, боже ж мой! Это неужто убийца там сидел, когда мы с Зинаидой Андреевной в грим-уборной были? – Лицо уборщицы посерело в цвет косынки.
- Нет. Ничего такого я не говорил, а только спросил, что вы заметили? – поспешил успокоить уборщицу капитан.
- Ох. Напугал. Да ничего я не заметила и по сторонам-то не больно смотрела. Зинаида сказала, что побегит на помощь позовет, а меня караулить оставила. Я Гришку покликнула Семенова, он у нас помощником осветителя работает, он как раз возле лестницы в конце коридора показался, я его и позвала, чтоб не так страшно было, за ним второй осветитель шел. А тут как раз и остальные подоспели. Директор там и прочие. Я уж под ногами путаться не стала. Пошла в другой коридор убирать.
- Неужели вам неинтересно посмотреть было, что на месте убийства происходит?
- А что там интересного? Вызвали милицию да «Скорую». Охали, ахали. Человеческая смерть – это вам не представление, чего на нее смотреть? Я уж в блокаду насмотрелась. В госпитале работала санитаркой. Да и санитаркой работать не надо было. Блокадной зимой люди замертво на улице падали. Бомбежки, обстрелы, голод. Нет уж, батюшка, избавь. Я вот и в театр устроилась подальше от всех ужасов. А тут, нате вам, – сердито проговорила уборщица, укоризненно глядя на Евгения Александровича.
- А скажите, Евдокия Титовна, до того, как Барышева нашла убитую, вы в коридоре никого не видели? Может, кто-то из артистов проходил, работники театра или поклонники?
- Когда я пришла коридор мыть, никого уже не было, даже свет горел вполовину. Темновато было. Ну, да мне и так сойдет, тряпкой по полу возить.
- А почему свет горел вполовину?
- Ну, а зачем зря электричество жечь? Чай, не дармовое, государство платит.
- Значит, свет у вас всегда вполовину выключают?
- Ну да, как спектакль закончится, в целях экономии.
- Хорошо. Так кого же вы видели в коридоре, Евдокия Титовна?
- Кого видела? Уж я и не знаю, – неохотно проговорила уборщица, глядя куда-то в угол. – Ну, ей-богу не знаю.
- А все же? Мужчину, женщину?
- Мужчину.
- Какого?

Говорить уборщица отчего-то не хотела, слова из нее буквально вытягивать приходилось.

– Да не знаю я. Вроде мужик какой-то шел. Что там впотьмах разглядишь?

– Мужчина высокий, низенький?

– Высокий.

– Толстый, худощавый, хромой? Какой?

– Не толстый. Средний такой. Волосы короткие. Я его со спины только и видела.

– А одет во что? Костюм, тенниска, фрак, может быть? – предлагал возможные варианты капитан.

– В халате рабочем, в расстегнутом.

– Послушайте, Евдокия Титовна, я же вижу, вы узнали того мужчину и из всех сил пытаетесь его прикрыть. Но ведь я не обвиняю этого человека в убийстве, а просто ищу свидетелей, собираю факты. Как же мне раскрыть преступление, если все мне будут врать. Или вы хотите, чтобы убийца Щербатовой гулял на свободе?

– Что вы, боже упаси! – замахала рукой уборщица.

– Так кого же вы видели?

– Да говорю же, что не знаю. Он по коридору шел в одну сторону, а я в это время с лестницы входила. Только со спины минутой и видела. – Тут она сделала паузу, повздыхала, пошевелила губами и наконец собралась с духом. – На Василия Гавриловича он был похож, на электрика нашего. Только не мог он никого убить! Фронтвик, добряк, каких мало, и не пьющий, и рукастый, и всегда всем поможет. Да вот хоть пример. Отвалился у артистки каблук, до костюмерного цеха пока добежишь, пока починят, а ей на сцену, а вот Василий Гаврилович тут же и сразу. И инструмент у него под рукой, и руки золотые.

– Значит, вы думаете, что видели его?

– Не знаю я, но похож. А только зачем бы ему Анну-то убивать? Что у них дела какие были? Да он ей в отцы годится, а то и в деды.

– Василий Гаврилович, вспомните, вы в вечер убийства проходили по коридору, в котором находится уборная убитой Щербатовой? – спросил капитан, разглядывая сидящего перед ним мужчину.

Василий Гаврилович наверняка уже отметил свой семидесятый юбилей. Или так казалось из-за стеклянно-белой седины, покрывшей его голову и короткую округлую бородку. И из-за глубоких многочисленных морщин, исполозовавших суровое лицо, на котором сияли невероятно добрые, по-детски лучистые глаза. Это несоответствие ставило капитана в тупик. А еще у Василия Гавриловича была очень прямая спина и почти военная осанка.

– В вечер убийства Анны Петровны? Да, разумеется. Мы с Сергеем Кочкиным, это наш осветитель, разбирались с софитом, что-то в нем постоянно коротит, лампочки быстро перегорают, а когда спустились, нам рассказали, что Анна Петровна погибла.

– Когда вы поднялись чинить софит?

– А вот после спектакля. Василиса Егоровна меня позвала, и мы с Сергеем отправились.

– А где вы были до того, как вас позвала Василиса Егоровна?

– А тут же на сцене аплодировал артистам. Я, знаете ли, очень оперу люблю, потому и в театр устроился на работу. Этаким каприз на старости лет. До войны я на кораблестроительном заводе инженером-электриком работал. А после войны обратно возвращаться не стал, в театр вот устроился.

– А почему? Из инженеров в простые электрики? – с подозрением спросил Евгений Александрович.

– Это сложно... Но, извольте, – тускнея, проговорил Василий Гаврилович. – До войны мы на заводе работали вместе с женой. Она умерла в блокаду прямо на рабочем месте от голода.

Мой сын служил на флоте, корабль, на котором он служил, строили на нашем заводе, они подорвались на вражеской мине. Сын погиб. Дочь тоже ушла на фронт связисткой и погибла. Сестра с племянниками эвакуировалась по дороге жизни, в их машину попал снаряд. У меня не осталось никого. Я даже в Ленинград не хотел возвращаться. Зачем? У меня даже могил здесь нет, и дом наш старый разбомбили, ничего на память о семье не осталось. Хожу вот в Никольский собор, поминаю всех разом.

– Куда?

– В собор, молодой человек, Богу за них молюсь. Вам этого не понять, молоды еще. Семья, наверное, есть, дети?

– Дочка.

– Вот и берегите их как можете, только они и имеют значение в жизни, а большие ничего.

– А почему же все-таки в Ленинград вернулись?

– Не придумал, куда еще поехать. Да и однополчанин один уговорил, мудрый мужик попался, тоже наш, питерский. Поезжай, говорит, среди родных камней и помирать легче. А боль она притупится, останутся светлая грусть и память. Боль, конечно, притупилась, а память живет. На месте нашего старого дома новый построили, хожу иногда туда, закрою глаза и представляю, как все было еще до войны. Так-то, – вздохнул Василий Гаврилович. – И в театр пошел, чтобы забыться. Карьеру мне уж строить поздно, зарплаты хватает, а еще интересно здесь, люди необычные, – едва заметно усмехнулся Василий Гаврилович. – Не всех я здесь одобряю, но есть и очень хорошие, добрые, порядочные люди и очень талантливые. А что касается Анны Петровны, мне кажется, никто из наших, театральных, ее убить не мог. Страстей у нас тут много, но все они не глубокие, напоказ. Хватает только на мелкие пакости.

– Скажите, а в таких халатах, как у вас, многие в театре ходят?

– Да почитай все. От уборщиц до костюмеров. У тех иногда белые бывают. А так и плотники, и осветители, и из художественной части.

«Значит, или по коридору шел кто-то из сотрудников театра, похожий на Василия Гавриловича. Или посторонний, сообразивший накинуть халат, прихватив его... ну, скажем, в какой-то мастерской».

– Товарищ капитан, там Зинаида Андреевна Барышева пришла, – заглянула в грим-уборную секретарша. – Вы не могли бы поговорить с нею сейчас, а то у нее потом репетиция начинается. Просили не задерживаться.

– Что ж, пригласите ее, пожалуйста, – разрешил Евгений Александрович, с интересом ожидая встречи с лучшей подругой убитой, с той, кто нашел тело погибшей.

Ожидания капитана оправдались. Зинаида Барышева ворвалась в грим-уборную подобно урагану, резко хлопнув дверью. Движения ее были порывисты, но не резки, и вся она была яркая, бурная. Она в один миг заполнила собой все пространство грим-уборной.

– Ну, наконец-то вы зачесались! Человека уже когда убили? А они не шевелятся! Вам что, начальство шею не мылит? Барышева Зинаида Андреевна, меццо-сопрано, подруга покойной, – протягивая капитану по-мужски решительно руку, представилась Зинаида Андреевна и тут же уселась на диван, закинув ногу на ногу.

Ноги у нее были стройные, туфли с пуговками очень изящные, красное платье с широкой юбкой. И волосы у Зинаиды Андреевны тоже были яркие. Темно-рыжие, с бронзовым оттенком. Да, яркая натура.

– Очень рад познакомиться, – кивнул капитан. – Зинаида Андреевна, расскажите, пожалуйста, о том вечере.

– Да я только о том вечере и думаю. По ночам спать не могу, все время Анька мерещится, – поворачиваясь лицом к окну, проговорила Зинаида Андреевна. – Представьте себе: спектакль, овалы, цветы, смех, поздравления, твоя подруга, счастливая, молодая, на вершине

успеха, шампанское, тосты, нарядная публика, и вдруг среди этого веселья – смерть. Безобразная, жестокая, несправедливая. Знаете, почему-то после войны любая смерть кажется несправедливой, – горько улыбнулась Зинаида Андреевна. – Нет, я, конечно, понимаю, что люди все равно умирают, это естественный исход бытия. Естественный для старых людей, а не для молодых, здоровых, красивых, счастливых. Это несправедливо!

– Да, это несправедливо, – согласился с ней капитан.

– Когда война закончилась, а мы выжили, я стала думать, что теперь уж с нами ничего плохого не случится. Мы все будем жить долго и счастливо до ста лет. Мне это казалось справедливым. И все так и шло, как я мечтала. А потом вдруг Анька, посиневшая, уродливая, с выкатившимися глазами, с жутким красным следом на шее. У меня перед глазами все поплыло, не знаю, как сил хватило закричать, но очень хотелось позвать на помощь, невозможно было там одной оставаться. Я, знаете ли, не из пугливых. Война меня застала в деревне, у родителей, вернуться в Ленинград не успела. Немцы пришли, сперва вроде ничего было, а потом они стали новые порядки устанавливать, коммунистов искать, вот кто-то на отца и донес. Брата схватили потому, что он комсомолец, мать пристрелили как собаку, чтоб не голосила и офицера за ноги не хватала, когда тот отца с братом вешал. А меня подружка к себе в дом вовремя утащила, и там держали с матерью на пару, чтоб не вырвалась, и рот тряпкой затыкала, чтобы не орала. Вот так у меня на глазах всю семью. После этого еще много казней было. Подружку мою повесили, ту, что меня спасла. Она, оказывается, связной была у партизан. И еще знакомых ребят. А я вот выжила. И в Ленинград вернулась. И пою, и живу. И радуюсь как могу, – с вызовом взглянула в глаза капитану Зинаида Андреевна. – И Анька такая же была, словно все, что в войну пережила, наверстывала. Знаете, она была очень хорошим человеком, некоторым она казалась эгоистичной, пустой, легкомысленной. Но это все не так. Просто жизнь ей улыбнулась. Она же не виновата, что талантлива, что голос выдающийся, что само по себе не означает гарантированного успеха, с голосом работать надо, тяжело и много, и она работала. А еще муж у нее умный, красивый, начальник, обожает ее, балует. Многие завидовали. Очень завидовали, но чтобы убить?

– То есть вы не представляете, кто мог это сделать?

– Нет, конечно! Иначе бы давно уже к вам пришла.

– Хорошо, вернемся к вечеру убийства. Помните, когда вы шли за Щербатовой, вы кого-нибудь встретили?

– Когда шла? Вы имеете в виду уже за кулисами?

– Я имею в виду по пути в грим-уборную.

– Хм. Ну, попалась одна девица из хора, не помню, как зовут, с кавалером шептались о чем-то в темном уголке. Костюмерша Тася встретила, костюмы несла, такой ворох тащила, я еще спросила, не боится она упасть? А большие, пожалуйста, никого.

– А кто попросил вас сходить за Щербатовой?

– Директор. Он разговаривал с кем-то из горкома, кажется, со вторым секретарем, первый секретарь больше любит балет, а вот второй, на наше счастье, оперу. Около них Вадим Яузov крутился, а секретарь все спрашивал: «Ну где же Лиза, Анна то есть?» Директор сперва говорил: «Вот-вот будет», но Аня все не шла. Николай тоже уже начал нервничать, но в него генеральская жена вцепилась мертвой хваткой, ну, я и вызвалась сходить, поторопить. Директор страшно обрадовался и повел секретаря в буфет коньяком поить, с ними режиссер увязался, и Вадим Яузov с какой-то дамочкой, а еще хударук и заведующая литературной частью. В общем, все начальство. Ну, я поставила Леву возле колонны, это мой муж, мы в тот вечер вместе в театре были, он у меня профессор консерватории, преподает по классу скрипки, и отправилась за Аней.

– Во сколько это было примерно? Сколько времени прошло с окончания спектакля?

– Точно не знаю. Премьера прошла с большим успехом. Занавес поднимали раз десять. Мы слевой окончатия оаций ждате не стали, прошли за кулисы. Дождались, когда занавес окончательно опустили, поздравили Аниоту, остальных исполнителей и вместе с Николаем и его генералом отравились в буфет, выпить шампанского. Там был накрыт фуршет. Но по дороге я задержалась на минутку с Полиной Караваемой, это наша артистка, и в буфет мы пришли чуть позже вместе с Полиной, с Додиком Фельцманом из оркестра и еще с одним музыкантом. Не помню его имени, инструмент гобой, кажется? Потом появился директор с городским руководством, произнес речь о том, как важно нести культуру в массы, и о том, какое значение партия и правительство уделяют развитию музыкального, и в том числе оперного, искусства. Затем поздравил всех с успешной премьерой. Затем выступил режиссер и долго и прочувствованно благодарил всех за оказанное доверие и за высокую оценку его работы. Хотя никто его работу еще толком и не оценил. После выступил второй секретарь и поздравил всех с достойным результатом коммунистического труда. Потом... – вспоминала Зинаида Андреевна, постукивая пальчиками по подлокотнику, – потом... ах да. Потом вылез Вадим Яузов и от лица артистов поблагодарил партию и правительство за заботу и доверие, но его уже почти не слушали, а разбились на кучки и принялись налегать на выпивку и закуску. Вот тут-то все и вспомнили об Ане. Думаю, прошло не меньше получаса, может, минут сорок. Еще минут пять мы рядились, кого за ней послать. Николай хотел сходить за женой. Но у него на руке висела генеральша и никак не желала отпускать его, Вадим еще предлагал, но это не понравилось Николаю, пришлось идти мне.

– И вы сразу же отправились за Щербатовой, по пути ни с кем не разговаривали и никого не встречали?

– Ну, я же вам уже говорила. В непосредственной близости от грим-уборной – никого. Я пришла. Постучала на всякий случай, ответа не услышала и открыла дверь, – тут голос Зинаиды Андреевны слегка дрогнул. – Аня сидела в кресле перед зеркалом, все еще в гриме, в костюме, с рассыпавшимся по коленям букетом. Было такое впечатление, что она едва вошла к себе, села на стул, тут ее и... Ну, в общем... убили. – Это слово артистке определенно далось с трудом.

Капитан пытливо взглянул на Зинаиду Андреевну, размышляя, было ли это искренним проявлением чувств или игрой.

Да, Зинаида Андреевна Барышева была определенно не глупа, решительна, наблюдательна, уверена в себе. Сильная натура. Могла бы она убить? Безусловно. Характера бы хватило, но вот мотив для убийства должен был быть очень весомый. А для убийства Анны Щербатовой очевидных мотивов не наблюдается.

– Скажите, Зинаида Андреевна, вы не заметили ничего подозрительного или странного в грим-уборной, когда вошли в нее?

– Странного? – выпятив нижнюю губу, задумалась Зинаида Андреевна. – Знаете, я, когда Аню увидела, сразу же всю гримерку взглядом окинула. Убийцу, что ли, искала? – криво усмехнулась она. – Но ничего такого не заметила. Все было как всегда. На вешалке приготовлено новое Анино платье, она его специально к премьере шила. В нем и будут хоронить. Под вешалкой стояли туфли, на столике обычный беспорядок, очень много цветов, даже в ведре стояли, уборщица наша специально еще до спектакля принесла, свет горел очень ярко, поэтому все предметы ясно выделялись. Ой! А вы знаете, вспомнила! Перстень пропал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.